

Z.O.N.A.

ДМИТРИЙ МАТЯШ

АТРИУМ

«КРЫЛОВ»

Дмитрий Матяш

АТРИум

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606455
АТРИум: Крылов; Санкт-Петербурге; 2011
ISBN 978-5-4226-0150-9*

Аннотация

Ее называют АТРИ. Аномальная Территория Радиоактивного Излучения. Самая охраняемая государственная тайна. Самое таинственное и самое гиблое место на земле. Прослойка между нашим миром и параллельным. Аномалии, хищники-мутанты, разумные и не очень существа из параллельного мира, люди, которые зачастую похуже любых мутантов, – все причудливо переплелось в этом таежном краю.

Его зовут Кудесник. Вольный бродяга, каких тут много. Он приходит в себя посреди АТРИЙской тайги... в окружении десятка изувеченных тел. И, как ни старается, не может вспомнить, что же случилось.

Убитые – люди Хана, авторитетного и могущественного в АТРИ человека. Среди них и сын Хана. Все, нет отныне покоя Кудеснику. За его голову назначена награда. Теперь охотники за двуногой добычей будут поджидать бродягу везде: в каждом городе, поселке, за каждым кустом.

Ее зовут Лена. Дикарка из таких называемых болотников. Узкие АТРИЙские тропки свели ее с Кудесником. Теперь или она поможет Кудеснику понять, что происходит, поможет выкарабкаться из всех передряг, которые множатся и множатся, или наоборот – окончательно его погубит...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Матяш

АТРИум

Глава 1

Память возвращалась фрагментами. Не связанными между собой, порой совершенно бессмысленными картинками из жизни, подобными выпавшим из альбома фотографиям. Поочередно вспоминались то вчерашний бар, то болтовня с какими-то бродягами, то седой человек – очки в черной оправе, то упирающаяся в подножье снежной скалы железная дорога, то мать с отцом, земля им пухом...

Сколько он ни пытался выстроить воспоминания в ряд, сколько ни силился выискать среди них первые и последние, установить определенную хронологию, все было тщетно. Едва он находил между ними нечто общее, что сложило бы их в один узор, как они вновь выскользывали из рук и разлетались сотней разноцветных искр. Это становилось нестерпимо. Единственным вариантом прекратить все это, избавиться от назойливых картинок, вынырнуть из мира хаотически мелькающих образов было открыть глаза. Но веки казались настолько тяжелыми, что не хватало сил их приподнять.

А когда наконец это получилось, то первое, что он увидел, были дождевые капли. Дождь. Он начался еще ранним утром и до сих пор лил не переставая. Земля напрочь раскисла, сделавшись вязким болотом; поначалу робкие ручейки превратились в полноценные бурные ручьи, вымывая в почве глубокие рвы, а небо продолжало разрываться от раскатов грома. Стены дождя накатывали одна за другой, и казалось, что это не закончится никогда.

Бродяга лежал ничком. Вода затекала ему за шиворот, неприятные удары тяжелых капель чувствовались даже сквозь плотный защитный костюм. Рот и ноздри были забиты грязью, но пошевелиться, не говоря уж о том, чтобы встать, он не мог. Лежал и смотрел, как впереди на голом холме, метрах в тридцати от него, кто-то ворочается, извиваясь, то и дело принимая позу эмбриона. Бродяге словно снился кошмар, от которого никак было не пробудиться, но он понимал, что это не сон. Он хотел что-то крикнуть тому бедолаге на холме, но онемевший язык прилип к небу. Хотел протянуть руку, но та отказалась подчиняться.

Ощущать свое тело он начал лишь после того, как с десятой попытки перевернулся на спину и подставил лицо под холодный, сильный душ. Ему подумалось, что, как только к нему вернется возможность чувствовать, он тоже начнет извиваться в агонии, как тот человек на холме, но ожидаемый приступ боли так и не появился. Вместо этого он испытал дикий страх, осознав, что, несмотря на возвратившиеся чувства, его суставы словно задеревенели, а мышцы рук и ног стали как из тряпья. Сжать кулак ему стоило таких же усилий, какие потребовались бы, чтобы рвануть штангу.

Полыхнула молния. Длинная, изломанная, ослепительно яркая, он смог увидеть ее даже сквозь закрытые веки. А затем ощутить, как раскат грома заставил содрогнуться землю, заодно будто вдавливая его в размокшее подножие холма.

Прошло еще немало времени, прежде чем он, несколько раз сжав и разжав кулак, убедился, что тело наконец начинает его слушаться. Понимая, что все еще достаточно слаб для того, чтобы встать на ноги, он поднял правую руку, а левой сдвинул обшлаг рукава. К несчастью, КИП был разбит, покрытый трещинами экран не ожил и после нескольких нажимов на кнопку включения. Не узнать теперь ни локальных координат, ни сколько оставалось времени до очередного сияния, ни просканировать местность на наличие живых существ.

Бродяга попытался вспомнить причину, по которой он здесь валяется, но... пусто, в голове было совсем пусто. Никаких догадок, никаких мыслей, кроме тех, что вяло ползали в глубине сознания, словно черви в рыхлой земле, но ничего не объясняли.

Он повернул голову набок, посмотрел туда, где еще пару минут назад извивался в агонии человек, и отметил, что тот уже лежал неподвижно, раскинув руки и задрал к небу подбородок. Неподалеку от него, прижав руки к груди, лежал еще один мужчина.

Бродяга закрыл глаза и попытался успокоиться, дав воспаленному мозгу время на обдумывание. Но тщетно, в голове по-прежнему ничего не рождалось, кроме возникающих из ниоткуда, скачущих галопом стоп-кадров.

По-стариковски кряхтя, бродяга приподнялся на локтях, сел, затем не без труда стал на ноги и огляделся. Рядом валялось несколько промокших до нитки рюкзаков, среди которых не было его собственного. Рюкзаки и оружие – пять «калашей», они выглядели так, будто их бросили на бегу... будто это он сам, бродяга, их бросил, прежде чем отключился. «Но... что все это значит? – недоумевал он. – Зачем мне было тащить чьи-то рюкзаки? И... что это там за люди?»

Он повернулся лицом к холму и, вкладывая в каждый неуверенный, шаткий шаг последние силы, начал подниматься на вершину. В голове гудело, тяжелые дождевые капли, казалось, вот-вот раскрошат ему череп, настолько люто они барабанили по его макушке. К тому же кровь пульсировала в венах такими резкими толчками, что веки закрывались и открывались сами по себе. Дышать было тяжело, и, несмотря на непомерную влагу, во рту у него стало до того сухо и противно, что вдыхаемый и выдыхаемый воздух казался потоком песка.

А когда он наконец взобрался на холм и увидел то, что боялся увидеть, он перестал чувствовать и дождь, и кровь, и усталость в ногах. Он сам не понимал отчего, но на глаза невольно накатили слезы. В лежавшем на боку юноше он с ужасом узнал Стрижа.

«О, Господи!» – взмолился бродяга, и его лицо исказилось в гримасе невыразимой боли.

Прыщавый бледнолицый юнец с едва пробившимся над верхней губой светлым пушком смотрел на него не мигая. На мертвом лице не было следов ужаса. Парень умер не самой легкой смертью, но страх и боль не читались в его взгляде. Он не выглядел даже испуганным, скорее... удивленным. На шее все еще кровоточит рана...

Всего было десять или двенадцать трупов – окровавленные тела изувечены и раскиданы по поляне, будто нарвавшийся на засаду и расстрелянный в упор партизанский отряд. Оружие, снаряжение, шлемы расшвыряны, по всей видимости, никто не успел схватиться даже за нож. Среди убитых двое совсем еще зеленых, Стрижу еще и четырнадцати не было, а второй и того моложе. Живые маркеры, вызвавшие добровольцами пойти с ним в поход...

Глаза застлала сизая пелена, в ушах появился низкий, нарастающий гул, но бродяга не обращал на это внимания. Его в эту минуту гораздо сильнее заботило другое: убитые кем-то люди были из одной группировки, о чем свидетельствовала и форма – реинкарнация славной кольчуги, и опознавательные знаки, и характерные черты лица. Это были ребята из клана «Монгол» – мощного и авторитетного в средней полосе Атри. С его могуществом сравниться могли разве что «Медведи», но те за пределы белого периметра выходили редко, не говоря уже о вылазках в глубь средней полосы.

Пустота в голове начала заполняться, бродяга вдруг вспомнил, как пришел в Ордынец накануне утром, откликнувшись на объявление насчет проводника. Как встретили его с почестями, словно посла из соседнего государства. В Ордынце для хороших людей вообще не скупаются: там либо ночь в дорогом шатре с прекрасной раскосой девицей, либо кинжал к горлу. Им нужен был человек, который бывал за «вечной колонной», ведь туда мало кто путь

знал, а кто знал – не соглашался ходить ни за какие деньги. А бродяга бывал в тех краях, потому и приняли его как знатного гостя.

Хан Айкар, предводитель «монголов», для похода доверил ему лучших своих людей, первоклассных, как он заверял, бойцов, и вот... Теперь они все мертвы. Что делать? Как объяснить это хану? Знал ли бродяга о том, что думают о человеке, который пошел за хабаром с группой, а возвратился один? Знал ли, что, как бы ни напускал он на лицо тоску по умершим напарникам, многие наверняка решат, что он убрал подельников и спрятал хабар? Знал. А еще знал, что «монголы», с их почти первобытным устоем и обычаем кровной мести, рано или поздно найдут его, найдут даже на том свете.

Его бушлат, рюкзак с кое-какими запасами съестного и патронами, весь перепачканный в грязи, рядом, неподалеку, а чуть дальше – подсумки для гранат и цацек и любимый «пустынный орел», подарок друга. Но бродяга не к ним со всех ног бросился, а к молодому маркеру, вдруг начавшему жадно заглатывать воздух.

– Кто?! – завопил бродяга, взяв его голову в руки. – Кто это был?! Человек? Мутант? Сколько их было? Что со мной произошло? Прочему я остался жив? Слышишь?

Боец закашлялся, выплевывая сгустки крови, захрипел, пытаясь проглотить или вытолкнуть застывшую в глотке воздушную пробку, но так и не смог выдать ни слова. Он уже был не жилец, и бродяга это отлично понимал. Раздавленная грудь, торчащие из одежды белесыми дугами обломки ребер – раны, несовместимые с жизнью, но он не отпускал умирающего, тряс за плечи и несильно хлопал по щекам, стараясь не думать о том, что лишь ускоряет смерть салаги, а тот тарачил на него глаза, кричал и вонзал пальцы в землю, сгребая ее в кулак. А потом последний раз глубоко вдохнул и затих, обмяк, и его глаза заволочла серая дымка.

Бродяга встряхнул его еще несколько раз, в отчаянии влепил пощечину, затем резко оглянулся. Ему показалось, что рядом кто-то пошевелился. Но нет, остальные лежали, как и раньше, жизнь не возвращалась в их тела.

Внезапно гул в голове усилился, перешел в низкочастотный свист, будто кто-то поднес микрофон к динамику. Бродяга вскрикнул и прижал ладони к ушам, но это не помогло – свист резонанса исходил как будто из его головы. Зная, что на его крик могут сбежаться незваные гости, бродяга больше не издал ни звука, хотя крик пер из его глотки, как проломившая плотину водная стихия. Уф, отпустило.

Он поднял с земли свое оружие, рюкзак и уже собрался было идти, но остановился и покосился на лежащую у ног чью-то экипировку. Бродяга никогда не был мародером, одна только мысль о том, чтобы направить дуло автомата на желторотого юнца, нашедшего в тайге пару цацек, заставляла его нервно сжимать кулаки и люто ненавидеть тех, кто не брезговал этим промышлять. С другой стороны, если человек мертв, патроны ему уже не нужны. К тому же до Ордынца за остаток дня ему не добраться. Придется где-то ночевать, а значит, нужны не только патроны, но и пища.

Бродяга отложил свои вещи и принялся просматривать содержимое рюкзака одного из «монголов», вытаскивая оттуда все, что могло оказаться пригодным: боеприпасы, сухари, флягу с водой, спички. Да, похоже, парни недооценили сложность рейда и пищи взяли, лишь чтобы перекусывать на ходу. Бродяга принялся шмонать остальные рюкзаки, благо их не нужно было снимать с трупов. В одном нашлось то, ради чего они шли за «вечную колону». В подсумке для артефактов лежала «брошь» – небольшая, легкая, круглая штукавина, усеянная мигающими красными глазками-камешками. Несмотря на свою исключительную ценность, стоила она в Атри сушие копейки. Здесь мало платили за цацку, которая не имела практического применения: не защищала от радиации, не помогала ранам заживать или не придавала сил. «Брошь» была всего лишь украшением, но, продав ее не местному скупщику, а напрямую человеку из мира, можно было уже на следующий день слушать шум океанского

прибоя, качаться в гамаке в тени пальм и наблюдать за смуглыми девушками. Тем не менее Хан Айкар не собирался ее продавать. Он хотел подарить ее своей дочери по случаю ее бракосочетания.

Бродяга припрятал «брошь» и уже снимал с руки одного из «монголов» КИП, когда снова услышал донесшийся из-за спины шорох. В этот раз он был уверен, что ему не почудилось. Резко обернувшись, он сощурился и присмотрелся к кустарнику, стеной растущему метрах в пятнадцати с противоположной стороны пологого холма. Сначала ему показалось, что там бродит зверь, но не хищник – тот давно уже напал бы на него, пока он рылся в рюкзаках. А когда в небе полыхнула очередная молния, бродяга увидел засевающую в кустах сгорбленную человеческую фигуру.

– Эй! – крикнул бродяга, но его голос показался ему не громче шума дождя.

Он поднялся на ноги и двинулся к кустарнику, но прятавшийся там человек бросился наутек. Он бежал, втянув голову в плечи и размахивая руками, чтоб удержать равновесие на ускользящей из-под ног земле. Бежал в сторону ельника, окружающего эту опушку с холмом посередине. Бродяга не собирался его догонять, выкрикнул только, чтобы тот остановился, но беглец даже не обернулся. Бродяга в недоумении ступил на пологий склон, но поскользнулся, упал и кубарем покатился вниз. Зацепился за одиноко торчащую из земли маленькую ель уже в самом конце спуска. Тяжело дыша, поднялся на ноги. Изображение перед глазами продолжало расплываться, а потому он не сразу заметил остановившегося перед кромкой леса молодого человека. Невысокий, коренастый парень был тоже из «монголов» – характерный для азиатов цвет кожи, прищуренные глаза. У него была разбита голова, кровь залила пол-лица, «защитка» порвана на плече и шее, левую руку он держал согнутой у груди – то ли она была сломана, то ли он что-то прятал за пазухой. А в следующее мгновение он уже бесследно исчез в высоких зарослях, будто его и не было там никогда.

Насколько бродяга успел разглядеть, оружия при себе тот не имел, как и рюкзака и прочей экипировки. Все, что у него было, это болтавшийся у пояса пистолет, заряженный ампулами снотворного. Им пользовались при охоте на птиц, которые, не считая змей, были единственными из животного мира Атри, пригодными для употребления в пищу. Но оружием назвать такой пистолетик не поворачивался язык. Стало быть, парень ушел в тайгу совершенно безоружным. Предпочел оставить на холме свой автомат и вещи? Но почему? Что так напугало его?

Бродяга еще долго не мог осознать в полной мере, что произошло. А когда кое-что начало проясняться, он впервые подумал, что лучше бы тогда, в две тысячи десятом году, когда он впервые в жизни «попал» возле Стрелки на развод к мародерам, приставленный ему ко лбу пистолет выстрелил...

«Отец... мы умираем... тут что-то... мы... не смогли... – дрожащий, слабый голос из КИПа прерывался статическими помехами и кашлем говорящего. – Кудесник... сошел с ума... мы не знаем, кто он... но он не тот, за кого себя выдает... Дакас, Трезвонец, Питон и его братья – мертвы... Кудесниковы маркеры тоже... не попал под... это не излучение... не мутант... кто-то другой... не успели даже... он в отключке... взял наши вещи... не умер... кто-то выжил... не знаю... зачем?..»

Бродяга прослушал эту запись из стянутого с руки лежавшего поблизости «монгола» КИПа не меньше десяти раз. Все не хотел верить услышанному. Не хотел даже вникать в смысл этих слов и связывать их воедино. Он закольцевал запись лишь для того, чтобы выловить в явном намеке на его причастность к смерти шести «монголов» какую-то ошибку. Хоть что-нибудь, что могло бы пошатнуть первый и самый прочный вывод, сделанный после первичного прослушивания. Что подтвердило бы, что он ослышался, что его на самом деле считают такой же жертвой нападения неизвестного, а не обвиняют в убийстве!

«Отец?! – замельтешило слово в голове. – Выходит, Хаим был сыном хана Ордынского?!»

Сегодняшний день был для него полон открытий. Снятый с «монгола» КИП, по злой иронии судьбы, принадлежал Хаиму. На домашней странице фотографии сына, жены, личная переписка с родными... Бродяга выключил его и пошарил по карманам в поисках сигареты. Мокрой, сухой, все равно, лишь бы дымила. А найдя, зажег ее лишь с шестой или седьмой попытки. И пускай она намочила почти сразу же, дым горше от этого не становился.

Кудесник достаточно отчетливо понимал, что эта запись забьет последний гвоздь в его гроб. До этого у него еще теплилась надежда, что если отослать хану сообщение, мол, случилась такая петрушка, – для чего он, собственно, и снимал с руки Хаима КИП, – а потом принести ему «брошь», то сможет рассчитывать на ханскую милость, но после этой записи поверить в светлое будущее было трудно.

Сообщить хану, что произошла глупая ошибка, и остаться ждать на холме прихода его людей, которые заберут тела однополчан, глупо. Если уж родной сын перед смертью обвинил бродягу в предательстве – дескать, «он не тот, за кого себя выдает», то какие аргументы могли заставить хана поверить в невиновность бродяги? Плюс ко всему неизвестно, что еще расскажет Махаон, тот парень, что убежал в тайгу.

Вспорхнула в небо стая напуганных, кричащих птиц. Бродяга, уловив тревожный сигнал, засобирился. Он решил, что, в конце концов, хан не Господь Бог, молнией в него сейчас не шарахнет, а вот тварь какая-нибудь уже давно могла уловить запах крови. Странно, что до сих пор никто на холм не забрался – аномалий здесь нет и радиация в пределах нормы.

«Не накаркать бы», – подумал Кудесник, оглядываясь.

Он подхватил заметно потяжелевший рюкзак, подсумки с ammunition, взял в руки автомат с выцарапанными на прикладе иероглифами. Забрал и подарок друга – именную пистолет с выгравированным на рукояти человечком в длинном плаще и с колпаком на смешной миниатюрной головке – и поспешил прочь с проклятой опушки.

Едва холм перестал быть виден за толстыми стволами высоких, тенистых елей, Кудесник услышал за спиной оглушительный рев. Мурашки побежали у него по спине. Нужно было бежать! Бежать, бежать как можно дальше от холма и приманивающих к себе запахом крови тел, но как тут побежишь, если он выключил КИП (зная, что у хана есть оборудование для отслеживания местонахождения этих штуковин), то есть сознательно лишился анализатора аномалий и счетчика Гейгера. Он бросал вперед бумеранг – самый надежный маркер. Это помогало ему определить наличие аномалий, но что касается радиационных очагов, то тут приходилось доверяться интуиции. «Там, где буйствует зелень, не может быть радиации», – уверял он себя.

Что-то огромное снова издало протяжный, страшный рев. Оно добралось до тел мертвых «монголов» и, видимо, нарвалось на конкурентов. Несколько голосов пронзительно завизжали, не собираясь сдавать позиции, и большого зверя это, должно быть, здорово взбесило. Если бы Кудесник задержался на холме хоть на пару минут, он наверняка увидел бы, чем закончилась перебранка между угрожающим ревом и пронизывающим до мозга костей визгом, а потом, скорее всего, сам стал бы для кого-то утешительным призом. Но фортуна пока была милостива к нему, и ушел он с опушки целым и невредимым.

Судя по всему, бой на холме шел не на жизнь, а на смерть. Драка, сопровождавшаяся взвизгами и постепенно затихающим гортанным рыком, длилась около минуты, а потом большой зверь затих. Многоголосый визг тоже прекратился, и в атрийской тайге стал снова слышен лишь шум дождя.

Сердце у Кудесника учащенно забилось. Если все так быстро кончилось на холме, не станут ли преследовать и его? Запах оставляемых им следов, конечно же, не развеется за столь короткое время, а зная о вечном голоде пронырливых здешних тварей, глупо думать,

что они могут пренебречь им. Они умные. Если бы следов двуногих существ с изрыгающими огонь палками было больше, они вряд ли осмелились бы преследовать. А когда след всего один, то почему бы и нет?

Отбежав, как ему показалось, на достаточное расстояние, бродяга остановился и отдышался. Сделанный из полимера бумеранг возвратился горячим, будто вылетел из печи. Кудесник почему-то подумал об «огненных гейзерах», пригляделся и увидел «волнующиеся» столбы воздуха прямо у него по курсу. Бумеранг слишком мелок для того, чтобы зажечь гейзер на полную катушку, но если туда войдет человек... Атрийским тварям обычно приходится лишь облизываться при виде запеченного куса вкусной человечины – к областям измененного пространства, как тут по-правильному называются аномалии, они не рискуют приближаться.

Кудесник, бросая перед собой комья мокрой земли, осторожно обошел почти невидимую, аляповато разбросанную по двадцатиметровому квадрату аномалию и собрался было снова запускать бумеранг, когда услышал за спиной негромкое рычание. Бродяга повернул голову медленно, как наводящий орудие танк. Он знал, что резкость в таких ситуациях не означает успех. Резко повернешься – и тварь узрит в этом движении угрозу. Лучше, чтобы она считала, что на жертву нашел столбняк.

Мутировавший медведь, здоровенный, весь израненный, окровавленный, слегка наклонив голову вперед, стоял на задних лапах метрах в пяти от него. Это именно его свергли с холма какие-то мелкие, но превосходящие количеством твари. Он был лют и голоден, в больших, спрятанных под ороговевшими надбровьями черных глазах читалась злоба. Живоглот – один из самых крупных и опасных обитателей Атри. Всего один прыжок, и Кудеснику не помогут ни ноги, ни оружие. Возможно, всадив в эту махину рожок патронов, он его и убьет, но во что за это время превратят его десятисантиметровые когти и мощные клыки – еще вопрос. Стрелять в живоглота, подкравшегося к Кудеснику с завидной скрытностью, нужно было либо под лопатку, где у него слабое место, либо в глаз, иначе только пустая трата времени и боеприпасов.

Незаметным движением Кудесник положил руку на торчащую из кобуры рукоять пистолета. Он предпочел бы сейчас использовать автомат, но тот был заброшен на плечо, и времени на то, чтобы его перетаскивать, не было. Зверь взревел настолько громко, что у бродяги заложило в ушах.

– Чего-то не страшно совсем, – сыронизировал Кудесник, повернувшись к нему левым боком и поднеся ладонь к уху. – Ну-ка еще, для устрашения.

Обезумевший от невиданной наглости медведь сделал шаг вперед, поднял передние лапы, растопырив длинные саблеобразные когти, и снова взревел. Кудесник никогда не понимал, зачем животные, начиная от рыси и заканчивая ти-рэксом, издают эти страшные звуки, если могли бы уже давно наброситься на свою жертву и, вместо того чтобы драть глотку, жрать мясо? Так у них, видимо, в животном мире заведено: сначала демонстрировать в полной мере свою мощь, а уж только потом нападать на потенциальную добычу. Кудесник не имел ничего против подобной тактики. Даже за – обеими руками. Как только живоглот склонился над ним, бродяга отправил в его раскрытую пасть сразу три пули. Он никогда не слышал ранее, чтобы это помогало. Попадавшие в передрыги с живоглотами бродяги уверяли, что стрелять нужно только в глаз либо под лопатку, иначе пули застревают в его ороговевшей шерсти и наносят зверю мизерный ущерб. Что ж до раскрытой пасти, то начет этого никто ничего не сообщал. Неужели Кудесник нашел новый способ?

Живоглот резко умолк, зубы его окрасились красным. Он затоптался на месте, затем встал на четвереньки и принялся мотать головой. Он не умер мгновенно, а значит, в агонии мог достать своей когтистой лапой застывшего в нескольких метрах от него бродягу, но, похоже, зверь напрочь забыл о его существовании. Пробившие небо свинцовые осы внесли

поправку в мозг живоглота. Бродяга не решался сделать шаг назад, чувствуя спиной тепло и боясь угодить в гейзер. Ему нужно было запустить бумеранг, но для этого следовало повернуться спиной к раненому зверю, а делать этого было нельзя до тех пор, пока живоглот не издох.

Наконец тварь уткнулась мордой в траву. Даже в таком положении он все еще внушал ужас. Огромная махина все еще дышала, но вряд ли уже была способна на какое-нибудь действие.

Кудесник облегченно выдохнул, поцеловал вытянутый из-за пазухи золотой крест и, спрятав его обратно под «защитку», бросил бумеранг.

Бродяга посмотрел на КИП, но включить его так и не решился. Он подбросил в костер дров и, присев у высоченной сосны, закурил, задумался. Ордынец уже наверняка на ушах стоит. Не трудно представить себе и без того злобное лицо хана, а уж в том, что наказание он для Кудесника выдумывает самое изощренное, нечего и сомневаться. «Интересно, сумеет ли добежать до Ордынца Махаон? – размышлял Кудесник. – Если сумеет и расскажет, что он видел, как бродяга шмонал их рюкзаки, а также о том, как „брошь“ к рукам прибрал, – все, хана мне. А потом узнают, что я еще и Хаимов КИП взял, и решат, что вообще поехала у бродяги крыша – мало того, что причастен к убийству сына ордынского, так еще и на личное посягнул. Эх, добраться бы хоть до Коломино, а там есть люди, которые перепрошьют КИП, пропишут какой-нибудь ник, тогда и думать легче будет».

Выспаться Кудеснику так и не удалось. Едва он смыкал веки, как тут же начинал куда-то бежать, а какой-то большой, мощный, дышащий смертью зверь гнался за ним, догонял, продираясь сквозь таежные заросли. Кудесник просыпался, смотрел на небо, прислушивался к шепоту тайги и приглядывался к главной аномалии Атри – шпилю, видимому из всех уголков зоны, светящемуся изнутри неярким мерцающим светом, будто гигантский маяк.

Костер давно погас, но бродяга не чувствовал холода. Обычно в здешних краях под утро довольно прохладно, но сегодня все было наоборот. После дождя земля парила, будто ее кто-то снизу разогревал, и, несмотря на нулевую по этой причине видимость в низинах, здесь, на вершине облюбованного Кудесником холма, с обзором не было проблем. Отсюда остальной мир казался словно обложенным ватой, из которой торчали лишь острые верхушки столетних елей и развесистых сосен.

Не слышно было ни шорохов собак, ни дыхания изгоев, ни волчьего воя. Впрочем, до утра Кудесник все равно так и не смог уснуть. И лишь только на востоке зажглась заря, сразу же двинулся в путь.

Глава 2

Коломино был одним из тех поселков, в котором, за малым исключением, жили крестьяне: пахари и ремесленники. Благодаря плодородной почве, минимальному уровню радиации и отсутствию аномалий Коломино считалось житницей средней полосы Атри. Здесь закупали пшеницу все поселки в округе, а иногда даже с диких земель арбы приходили, хотя откуда именно – тайна за семью печатями. Развитая инфраструктура торговли превратила захолустную деревушку в настоящий аграрный бизнес-центр. Дающие электричество дорожные цапки типа «заряд-500» или «эла», которые жители белого периметра экономили, как воду в пустыне, здесь были подключены к уличным фонарным столбам, стоявшим через каждые десять метров, а улицы были вымощены брусчаткой. Люди тут пахали тяжело, целыми днями, без выходных и дневных перерывов, собирали четыре урожая в год, а потому имели полное право добираться до своих домов после изнурительной работы не в потемках и не увязая по колено в грязи. Коломинцы вообще не любили темноту и, хотя знали, что светящийся ночью поселок привлекает внимание тварей и разбойников с большой дороги, оставаться в темноте упрямо не желали.

Возможно, причиной было то, что развивающийся поселок давно стал для кое-кого лакомым куском и взамен на львиную долю собранного урожая тот обязывался обеспечить безопасность поселка суровой охраной? Мол, раз они столько на себя берут, пускай и думают, как отбивать городские стены от напасти всякой? Вполне возможно, ведь речь идет о бойцах группировки «Азамат», насильно впахнувшей им свои отряды для патрулирования территории. Дипломатией там и не пахло, никто из коломинцев не владел огнестрельным оружием, а те, кто имел древние двустволки, держали их на черный день, а потому и обсуждать детали двустороннего «бизнеса» с ними никто не собирался. Здесь, в Атри, бытовали те же негласные законы, что и на Большой земле: всегда найдутся охотники пособить нерасторопному бизнесмену за небольшое, но регулярное вознаграждение. Согласиться несложно, гораздо труднее потом избавиться от дармоедов-охранников, особенно если для этого нет под рукой внушительной дубинки.

Группировка «Азамат» возникла еще в шестидесятые и состояла в основном из беглецов с урановых рудников, повстанцев и прочих, кому удалось ускользнуть из цепких рук конвоира. Стало быть, из уголовников, а также детей и внуков уголовников. Сначала они кочевали с места на место, а потом осели на заброшенной лесопилке – на момент распада Союза это была самая дальняя точка индустриализма, с которой планировалось начать постройку новых поселений в глубинке Атри, далеко за стокилометровой отметкой. Но потом, с приходом девяностых, об освоении дальней полосы пришлось забыть, и лесопилка осталась невостребованной. Тут-то и приспел «Азамат», а Коломино оказалось географически в непосредственной к нему близости. Конечно, было глупо упустить такой шанс и не предложить (без права выбора, естественно) прибыльному поселку «крышу» взамен на «скромную» подать. И пахан предложил, а беззащитные крестьяне не смогли отказать. Так и получилось, что коломинчане добровольно сдали себя в рабство и, хоть с плеткой над ними никто не ходил и насилия к ним не применял, их личная свобода была весьма и весьма ограничена. Ни тебе выхода за пределы поселка, ни собственных сбережений – все вобщак, ни посиделок в баре за полночь, ибо с похмела фермер будет работать хуже. Вдобавок каждый направляющийся в Коломино караван подлежал тщательной проверке – не оружие ли для народного восстания тайком переправляют давно облизывающиеся на поселок «монголы»?

Ибо те хоть и были группировкой в разы мощнее, с «Азаматом» открыто не враждовали, и не потому, что боялись, а потому, что невыгодно им это было. С севера лесопилка служила им хорошим прикрытием – там, среди разгула аномальных полей и радиационных

очагов, пролегла единственная дорога на Ордынец, как раз через занятую «Азаматом» лесопилку. Стало быть, бывшие уголовники помимо воли служили «монголам» в качестве дальнего кордона, а посему и нападать на них смысла не было. А вот устроить заварушку в Коломино и как бы невзначай со своими хорошо вооруженными отрядами захватить поселок – это как раз самое то! И кивать тогда смело можно будет «азаматовцам», мол, видите, неспособны вы сдерживать строптивых крестьян, так что подвиньтесь, будьте добры; а самим крестьянам пообещать, что подать их для нового господина будет мизерной, почти неощутимой.

Все это в «Азамате» хорошо понимали, а потому с большим недоверием относились к северному соседу. И за то, что служат для них живым заграждением, здорово недолго любили они узкоглазых, пытающихся к тому же убедить всех, что они потомки императорского рода, а не обычных «уроков» – нарушителей границ СССР, что были свезены сюда с восточных каталажек.

Добрался до поселка Кудесник только к полудню, не повстречав по пути ни одного враждебно настроенного существа. Порядок он знал – оружие нужно закидывать за спину еще на подходе к колючей проволоке, коей была по периметру ограждена граница поселка. А еще он знал, что не следует корчить рожи разглядывающему его с вышки снайперу, которому ведь все равно, по кому стрелять. Завалит и не поморщится даже.

Мычание волов, скрип телег и перекрикивания селян были слышны уже издали. Вчерашний ливень побил зерновые, залил поля, и, обходя владения, трудолюбивые пахари не могли с прискорбием не прощупывать нагнутые к земле, набухавшие жизнью колоски.

Кудесник остановился в двадцати метрах от «пирамиды» – блокпоста, который назвали так за пирамидальную форму, острым углом смотрящего на входящих в поселок и широкой стороной повернутого к главным воротам поселка. Суровость фортификаций деревушки не могла не вызывать трепета даже у самого бесстрашного и сумасбродного бродяги. Высокая спираль колючей проволоки в виде зубчатой ленты, к которой подведен ток. Траншеи для стрелков и блиндажи на внутренней стороне периметра, будто коломинчане и «азаматовцы» готовились отбивать атаку как минимум батальона пехоты. Узкая дорога от блокпоста к главным воротам, посередине которой были установлены столбы – чтобы въезжающая машина или караван лавировали между ними, подставляя бока снайперам. Две сторожевые вышки около главных ворот с теми же самыми снайперами, пулеметчиками за станковыми пулеметами Калашникова и дозорными с биноклями на шеях. Рядом с воротами стоит передом к блокпосту БТР с восемью бойцами – группой быстрого реагирования. И это все помимо бойцов, что курсируют взад вперед по деревянным мосткам вдоль высокого частокола – основного заграждения.

К тому же у «азаматовцев» не то что военной, элементарной стержневой дисциплины нет, они открывают огонь когда вздумается и по кому вздумается. А наличие серьезных фортификаций отбивает у возможного противника всякую охоту ответить им тем же. Неудивительно, что «монголы» не спешили прорывать оборону и брать деревушку штурмом – условия Атри делали ее почти неприступной крепостью.

Возле блокпоста стояли трое. Благодаря серым летчицким комбинезонам, доработанным кубаревскими жестянщиками до уровня средней степени защиты, с кевларовыми пластинами на груди, шее и в области паха, они напоминали роботов из старых фантастических фильмов. К слову, все «азаматовцы» выглядели одинаково. Все – в комбинезонах, с большими буквами «А» в кружке на кевларовой пластине с левой стороны груди и касках без забрала. Вместо последнего они надевали поверх каски очки сварщика, и это было верхом их моды.

– Кто такой? – сурово глядя исподлобья, сделал шаг вперед высокий, скуластый, лысый здоровяк с недельной щетиной на щеках, сведенными к переносице косматыми бровями и

автоматом наперевес. Видимо, он был здесь главным. Двое остальных выглядели как обычные дворовые бандюки.

Кудесник остановился перед блокпостом и на секунду замешкался с ответом. То, что «азаматовцы» не в лучших отношениях с узкоглазыми, ему было, конечно, на руку, но вдруг у них дипломатический союз нарисовался, пока он в этих краях не бывал? Малаха-то далеко от сих мест. Верст двадцать напрямую будет, а до родного Корундова Озера так и все семьдесят. Может, ситуация поменялась, а я об этом ни сном ни духом? Что делать? Назвать себя другим ником? Можно, да вот только ежели разузнают, что неправдивым именем назвался, по головке не поглядят. Уж лучше как есть, а там видно будет...

– Кудесник, – ответил бродяга.

– Михай! – окликнул кого-то старший. – Тут, кажись, Кудесник пожаловал. Ну-ка глянь.

Изнутри к смотровой щели блокпоста кто-то прильнул, сощурился, а затем скрипнули металлические двери и наружу, слегка прихрамывая на левую ногу, вышел бородатый, названный Михаем, «азаматовец».

– Он? – спросил первый.

– Да о-он, фраерок! – сверкая золотыми фиксами, протянул Михай. – Я ж базарил, сюды приковыляет! С тебя бутыль пшеничной, бугор!

– Чего тебе надо? – сморщился бугор, как только ему напомнили о проспоренном.

– Так мне бы это, к технику вашему, – повел плечом бродяга. – КИП проверить, барахлит.

Оба охранника переглянулись, и тот, что был назван Михаем, пренебрежительно сплюнул.

– Ага, как же, барахлит. На руке дохлого Хаима, – засмеялся он.

– Ты что натворил, лосось? – посерьезнел лицом первый. – Ты зачем их перемочил всех?

Кудесник терпеливо молчал, не сводя с них глаз.

– Знаешь, когда старина Айкар услышал об *этом*, у него приступ случился, – понизив голос, поведал ему Михай. – Слэг хан Ордынский прочно. Говорят, может и не подняться уже. Так что, если разобраться, хорошее дело ты сделал, фраерок. А техник наш после вчерашнего немного не в форме, но если тебе срочник нужно, то можешь попробовать его раскудорхать.

В Коломино Кудесник бывал не единожды, и каждый раз, когда он сюда приходил, что-то незримым образом менялось в этих вычурных избенках с замысловатой узорчатой резьбой на оконных ставнях, на мощенных ровным камнем улицах и, главным образом, в людях. Последний раз он был здесь в десятом месяце, попал как раз на четвертое жатвенное – праздник, почитаемый коломинчанами куда больше, чем Новый год. Все тогда были изрядно пьяны, даже охрана его особо не проверяла на входе. Старшина Симонов небывало расщедрился и за несчастные гроши выделил ему не комнатуху на постоялом дворе, а отдельную хату для потех с женщинами, необыкновенно пахнущими снопами хлебных злаков, свежескошенной травой и выпитой в непомерном количестве брагой.

А сейчас мужчины казались постаревшими лет на десять, выглядели так, будто жестокие рабовладельцы заставляли их работать и по ночам, чтоб не даром «заряды» на уличных фонарях тратились. Кое-кто из этих, тощих, до крайности изможденных, похожих на зомбарей, бесцельно бредущих с мотыгами и граблями на плече, узнавал Кудесника и молча кивал, вкладывая в приветственный жест немалые усилия. Странно, но за все то время, что бродяга шел главной улицей до здания сельсовета на другом краю поселка, женщин он не встретил ни одной. Белые косынки, которыми они покрывали головы, кое-где мелькали в полях, но даже там, что было для бродяги внове, чаще поблескивали на солнце покрытые испариной

загорелые мужские спины. И лишь дети, как прежде, пронеслись мимо него, играя в догонялки или просто дразня друг друга.

Здание сельсовета ничем не отличалось от остальных изб. Такие же почерневшие бревна, такая же планировка на две-три небольшие комнаты, такие же перекошенные двери, да и глиняные горшки с кувшинами на плетеной оградке такие же, и деревянные колеса от телег, прислоненные к стене, и лежащая на земле сбруя – все как в обычном доме. Разве что немного больше значимости придавало крыльцо о двух опорных столбах, а серьезности – отсутствие вычурных ставен на окнах. Ну, как-никак администрация здесь заседает: поселковый председатель, бухгалтер и амбарник.

На крыльце стояли двое. Молодые, чубатые, они с нескрываемым высокомерием смотрели на приближающегося гостя и достаточно громко, так, чтобы он услышал, перекидывались догадками, мол, чего понадобилось этому «вольному упырю» в здешних краях. Молодые, они родились уже здесь, их родина – Атри, о другой они и знать не хотят. Мнят себя полноправными владыками атрийской земли, а всех прочих, вроде Кудесника, кто родился на Большой земле и сюда пришел либо деньжат подзаработать, либо чтоб дома не сидеть, считают пришельцами, посягающими на дары их земли.

– Я к Симонову, – сказал Кудесник, когда один из них, долговязый, плечистый, в новом, но изрядно потрепанном комбезе с нарисованной шариковой ручкой на кармане головой волка и названием группировки, преградил ему путь.

– Он сегодня не принимает, – переминаясь с ноги на ногу и как бы невзначай положив руки на болтающийся на груди автомат, ответил парень. – Что-то еще?

Бродяга впервые почувствовал, что сдерживаться ему, когда какой-нибудь малец, переступивший двадцатилетнюю черту, начинает вести себя подобным образом, становится все труднее. Куда приятнее было бы положить ладонь на затылок наглеца, потянуть на себя и, прежде чем тот поймет, что к чему, сломать об колено его длинный, узкий нос. А если и этого покажется мало, отправить его головой в удерживающий крыльцо столб, чтоб окрасил кровью ветхое дерево. Быть может, хоть тогда научится сморкач уважать старших. «Но нет, Кудесник, не в том ты положении, чтобы учить кого-то уму разуму, – успокаивал его внутренний голос. – Сейчас ты как петух, попавший в чужой курятник – не так кудахнешь, задерут до смерти. Так что спокойнее, друг, спокойнее».

– Мне нужно с ним поговорить, – сказал бродяга.

– О чем базарить-то хочешь? – выступил вперед второй охранник.

Наверное, он казался себе очень крутым, разговаривая с набитым соломой ртом – соломой тут считали чем-то вроде жевательного табака, – и ехидно скаля почерневшие зубы. Для Кудесника же он был всего лишь очередным недоделком, возмнившим о себе черт-те что, а потому и отвечать ему было унижительно. Слишком мелки эти рыбешки, чтобы отчитываться перед ними...

– Кто это там? – послышался властный голос, и сизая сетчатая занавеска на окне слегка отодвинулась.

– Все нормально, Иван Степаныч, – не оглядываясь, ответил первый охранник. – Человек уже уходит. Правда, человек?

Занавеску отпустили, но за ней послышалось недовольное бормотание. Бойцы у крыльца переглянулись. Пронзительно закрипели старые петли, в темные сени с несколькими стеллажами учетных книг проникло немного света, а затем на крыльцо вышел седовласый старик. Угрюмый и суровый сельский старшина в военной форме образца сороковых годов, заплатанных галифе и сморщенных заношенных сапогах. Говорили, будто Симонов когда-то был ротным в одной из тех частей, что зеков на рудниках охраняли, а в восьмидесятых дезертировал, ушел в глубь Атри и вернулся только через пять лет, когда Союз распался и бардак захлестнул не только Атри, а и всю страну.

– Пустите его, – приказал он, смерив Кудесника пристальным взглядом с ног до головы не меньше десяти раз.

– Иван Степаныч, вы же знаете порядок, – повернулся к нему один из «азаматовцев». – Смотрящий велел никого из залетных к вам не пускать без его разрешения.

– Так иди и попроси у него разрешение, если нужно! – рявкнул старшина.

– Но его нет сейчас в поселке, – виновато пожал плечами тот. – А если он прошарит, что к вам кто-то приходил...

– Послушай, я ненадолго, – встрял Кудесник. – Никто не узнает, что я здесь был. Обещаю.

Кабинет старшины располагался в просторной, хорошо освещенной комнате с большим дубовым столом, заваленным учетными журналами и кипами бумаг, забитым доверху книжным шкафом, еще на подходе к которому Кудесник почуял запах витающей в воздухе книжной пыли. Сервант у стены, за стеклом которого равномерно припадали пылью хрустальные стопки, граненые стаканы и графин с дутым изображением грозди винограда, иконами в углу, старым, ржавым рукомойником и портретом Ленина, указывающего рукой с зажатой кепкой куда-то на восток...

Подобные интерьеры всегда вызывали у бродяги ощущение размеренной, устоявшейся жизни, совершенно не похожей на ту, которой жил он сам. Прийти сюда утром, растопить печь, слушать, как потрескивают сосновые дрова, и пересчитывать там что-то, пересматривать условия поставок, решать, как и с кем сотрудничать из соседних деревень, на худой конец позвать амбарника Фомича и выписать ему по самое не балуй за то, что мыши столько зерна сожрали! Эх, это тебе не скитания от одного поселка к другому в поисках работы или приключений на свою задницу. Здесь ты нужный человек, здесь с тобой считаются и слово твое – закон.

– Совсем распоясались, черти! – прошипел Степаныч, кивнув Кудеснику на стул у стола, подошел к серванту, взял два стакана, прошел к своему рабочему месту и вытащил из тумбы начатую пятилитровую бутылку сивухи. – Каждый щенок тут за честь считает свои права качать. Паскудничают, ох паскудничают. Видал, баб совсем нет? Все по избам сидят, – бутылка с громким стуком опустилась на поверхность стола, – на девятом месяце. Рожать скоро будут, понимаешь? Эти, – старшина кивнул на окно, – решили популяцию поднять, ускорить появление следующего поколения. Кто не захотел – заставили, кто не замужем – сами делали, насильничали, понимаешь? Теперь все бабы, кроме бесплодных, на сносях, а эти стервечи говорят: от плана отстаем, и каждый день мне вот тут! – ударил себя старшина ладонью по затылку. – Некому головорезов, бл***, на цепь присадить.

– Да, в прошлый раз вас так не охраняли, – попытался посочувствовать бродяга.

– Охраняли! – эхом повторил Степаныч, вытаскивая затычку из узкого горлышка. – Да чтоб они в сырой земле другу друга холмики так охраняли! Ну да хрен с ними, давай за встречу.

Лучший в Атри самогон, как и зерно, и мука, производился именно здесь, в Коломино. Не было у него отвратного привкуса болотного зелья, не шел от него душок прелой коры кедра, и градусы соответствовали норме, не меньше пятидесяти. Обойти всю среднюю полосу – и только в здешней харчевне найдешь настоящий самогон, в других же поселках – лишь разбавленное по несколько раз пойло, потерявшее и вкус, и крепость.

– Как зовут-то тебя, напхни, – закусывая горбушкой ржаного хлеба, спросил забывчивый на имена старшина.

– Кудесник, – ответил бродяга. Старшина спрашивал его об этом всякий раз, когда они садились пить сивуху. Тем не менее, сколько бы раз еще впредь тот ни спрашивал, бродяга так и не будет знать, как правильно ответить: назвать сначала свой ник или настоящее имя?

– Да что ты как пес, ей богу?! Не кличку же спрашаю! – вспыхнул Симонов, наливая вновь по полстакана себе и гостю. – Или ты по паспорту Кудесник?

– Звягинцев, Егор, из Корундова Озера я. – Бродяга знал: назови он сначала свое имя, и Степаныч по-любому сказал бы: «Ну это тебя так мать с отцом нарекли, а здесь как прозывают?» А если бы сказал все разом, Старшина не преминул бы упрекнуть, что тот молотит как с горячки.

– Вот, другое дело, – похвально кивнул старшина, потянувшись к Кудеснику, чтобы чокнуться. – Ну, давай, как говорится, чтоб нам людьми остаться. – И выпил, не закусывая. – Выкладывай, что там у тебя произошло.

– Честно говоря, мало что я понимаю, – бросив в рот кусок хлеба, сказал Кудесник. – Взялся позавчера утром провести группу «монголов» на место одно, за цацкой одной. И все нормально было, даже твари не часто нам по пути попадались. Добрались до «вагранки» за денек, взяли что нужно и уже назад возвращались, когда на опушке там, в шестьдесят восьмом квадрате... Не знаю, как это случилось, но когда я очнулся, они все мертвы были, причем так, будто их поезд сбил. Вообще чертовщина какая-то, они даже за оружие схватиться не успели, а ведь бойцы были опытные. А Хаим перед смертью отправил сообщение отцу, мол, Кудесник с катушек слетел, наши вещи взял, всех, в том числе своих маркеров, убил! Но не помню я ни хрена! К тому же один из них выжил, Махаоном кличут. Если он добрался до Ордынца и выложил все, что видел, и как я по их рюкзакам шнарил, – ну не оставлять же патроны и жрачку там! – и как цацку эту прикарманил, хан меня под землей теперь найдет...

– Да-а, – протянул старшина, склонил голову и почесал в затылке. – Это, конечно, залет крупный. Хан не простит, если там сын его был. А чего ты один не пошел за цацкой этой, зачем целую группу с собой поволок?

– «Чего!» – хмыкнул бродяга. – Стремно, бать, туда одному идти. Нам повезло, что за «вечной колонной» мы не встретили никого из параллельщиков, ведь их там обычно пруд пруди. Я когда был там последний раз, из пятнадцати человек вернулись только двое, да и то один от потери крови в Ванаварском госпитале Богу душу отдал. К тому же хан меня самого боялся отпустить, не шибко доверял. Думал, я «брошь» возьму и на периметр дерну, а там за небольшой кусок «живого кварца» меня не только через КПП-3 пропустят, но и на «вертушке» до аэропорта подкинут.

– Так это что же, ради «броши» все? – удивленно поползли вверх брови старшины. – Тю, а зачем далась она ему, хрень эта? Поспрашал бы тут кого, может, и так нашли бы. У торгоша в Каран-Яме точно должна быть, за копейки купил бы.

– Нет, он новую хотел, такую, чтоб только из «вагранки», чтоб светилась еще. Дочери, говорят, на свадьбу подарить собирался. Она и вправду штука красивая, хоть и бесполезная.

– Я тебе вот что скажу, – наливая по третьей, вдруг тише обычного заговорил старшина. – Не глупи, бродяга, если можешь пробраться на периметр – рви когти. Цацки какие-нибудь имеются в «нычке», чтоб армейцам отстегнуть? Ну так и катись ты отсюда к чертовой матери. «Брошь» за бугром можно продать за приличные деньги. Забудь об Атри! Ты ведь и сам знаешь – «монголы» сейчас укрепились, мощь постоянно наращивают. Здесь каждая вторая группировка у них на подхвате, все хотят с ними в союз вступить, в каждой деревне готовы им задницу лизать, и наша – не исключение. Я не могу ручаться, что никто из моих односельчан не стучится в эту самую минуту в хановы ворота. Ты же понимаешь, какая у нас напряженная ситуация – «азаматовцев» может подвинуть только хан, не решается просто пока еще. Так что подсобить ему в плане поимки того, кто убил его сына, здесь каждый горазд. Глядишь, и убедится в нашей преданности.

– Я никого не убивал, – возразил Кудесник. – Вы что, не верите мне? Как бы я мог их убить? Чем? По ним ведь не стреляли. Их просто переломали пополам, причем никто и курок спустить не успел.

– Тише, тише ты, – покосился старшина на окно. – Тут криком не поможешь. О гипнозе слышал?

Кудесник прищурился, с недоверием посмотрел на старшину, но тот продолжил:

– Есть такие твари, шептуны, знаешь? Попали вы под их ментальный удар, вот и вырубил вас всех. А на тебе все замкнулось, и последствия зафиксированы. Докажи теперь, что ты не осел.

– Да знаю я, Иван Степаныч, не ребенок же. Думал я и про шептунов, и про меченосцев – не сходится ни хрена. Когда вы видели, чтобы они, поразив своим ментальным ударом людей, ломали бы их и просто так оставляли? Тем более одного вообще не тронули. Бред это, никакие там не шептуны были.

– Ну, тебе, разумеется, виднее. Но я настоятельно рекомендую: не теряй голову зазря. Можно долго скитаться по тайге анахоретом, но рано или поздно тебе придется зайти в какую-нибудь деревню переночевать, поесть или хабар скинуть. И кто знает, не возьмут ли тебя там под стражу и не стукнут ли хану – за должок или так, чтоб прислужиться? Так что... выбор у тебя, так сказать, не самый шикарный. Если нет никого, чтоб через Ущелье перевели, я могу человека посоветовать. Человек надежный, за пару цацек доведет до аэропорта...

Бродяга опустил голову и задумался. Не таким он представлял себе разговор со старшиной Симоновым, не таким. Вариант с уходом из Атри не хотелось считать окончательным. Кудесник не знал, на что надеялся, переступая порог здания сельсовета, но был твердо уверен: Степаныч, обычно помогавший таким, как он, дельным советом, обязательно подскажет, как миновать указатель на КПП-3. А тут вот как вышло...

Выбраться на Большую землю с теми цацками, что лежат в схроне под обломками давно разбившегося беспилотника, означало провести остаток жизни либо в роскоши, либо в тюрьме. Причем, если поступать обдуманно и не начинать скупать в Подмосковье особняки и не менять «ламбо» по паре на неделю, тюрьмы можно легко избежать. Но вот хотелось ли Кудеснику возвращаться в тот мир? Возможно, но не раньше, чем лет эдак через тридцать, когда на пенсию оформляться нужно будет, потому как на родине помирать всяко лучше, там и местечко должно остаться возле родителей, под березками, а не здесь, среди вечных сосен и болот.

Вышел из избы сельсовета Кудесник грустный. Он рассчитывал на чудо, но чуда не произошло. Надеялся, что старик посоветует что-нибудь дельное, но тот одним махом обрел все его чаянья. Ступать на дикие земли и вправду небезопасно, слишком много там странного и неизведанного, слишком незаметна граница с параллельным миром. Возвращаться в белый периметр – все равно что из пятого класса перейти снова в первый, да и что там делать? Копеечные задания торговцев выполнять, чепуху всякую по аномалиям собирать и от зайцев отстреливаться? Перед вояками лебезить, чтоб не повязали и на урановые рудники не отправили? Нет уж, увольте. Тогда – что? Незыблемая средняя полоса, самая широкая площадь изведанной части Атри? Похоже, остается только она, родимая. Главное, это знать, с какими кланами не в тёрках «монголы». И тогда можно будет какое-то время перебиться. А там как карта ляжет.

– Порфирьич, – наклонившись к решетке, за которой спал, нависнув над столом, заваленным разнообразными электродеталиями, человек, негромко позвал Кудесник.

Техник очнулся мгновенно. Глаза красные, капилляры вздуты, лицо небритое самое меньшее дней пять, и выглядел он так, будто компьютер в его голове завис на перезагрузке. Секунд двадцать, не мигая, всматривался он в наклонившегося к нему человека, пока его лицо не приняло более-менее осмысленное выражение.

– Кудесник, ты, что ли? – попытался угадать он, протерев глаза тыльной стороной ладоней.

– Под левой рукой, – кивнул ему бродяга, и тот сразу же поднял левую руку. Чертыхнулся, промямлил что-то неразборчивое и надел на нос очки.

– Ты в курсе последних новостей? – в лоб спросил техник, убедившись, что перед ним тот, кого он и предполагал здесь увидеть. – Ты теперь...

– Послушай, – перебил его Егор. – Мне всего-то КИП перепрощить. Сделаешь?

– Чей он? – покосился техник на протянутый через отверстие в решетке портативный компьютер.

– Какая разница? Купил на распродаже.

– Чей он, Кудесник? – не отступал Порфирьич, сдвинув к переносице брови.

– Хаима.

– Хрена! – тут же, будто только и готовился услышать это имя, выпалил атрийский компьютерный гений и тут же принялся нарезать круги по своей комнатухе, на стеллажах которой покоились целые поколения деталей, от ламп накаливания и кинескопов к старым советским телевизорам до современных микропроцессоров. – Хрена тебе, Кудесник! Не туда ты пришел! Вали отсюда вместе со своим КИПом, да побыстрее, и не вынуждай меня принимать меры.

От сухопарого лысоватого техника, имеющего некое сходство с тем актером, что играл Новосельцева в «Служебном романе», было, конечно, забавно слышать такого рода угрозы, но Кудеснику смеяться не хотелось. Если не удастся перепрощить КИП, бродяга окажется вне информационного пространства, а это ой как нежелательно.

– Хорошо, хорошо. – Он поспешил убрать КИП в карман и успокаивающе протянул вперед растопыренные пальцы. – Все, Порфирьич, забыли.

– Ну конечно, – продолжал причитать раздосадованный неприемлемым предложением техник, – тебе-то что? Порфирьич КИП перешьет, пропишет ник какой-нибудь заковыривший, так чтоб никто не допёр, что это Хаима комп был, а потом, если что – бац! – и кто же это такой помог нашему приятелю Кудеснику?! Ах да, это же ясно как божий день! В ближайшем ведь квадрате от гранкарьера только в Коломино есть техник, куда Кудесник, скорее всего, и подался. Так что же, пригласим Порфирьича на чай, потолкуем, спросим, за какой хабар он решил перепрощить бродяге компьютер, который принадлежал сыну хана Ордынского? Так вот я, – он ткнул указательным пальцем себя в грудь, – ни хрена не хочу, Кудесник, к ним попадать на чай. Так что будь добр, выметайся подобру-поздорову из моего подвала!

– Подожди, не кипятись, – успокаивал его Егор. – Я все понял, никто тебя приглашать на чай не будет, обещаю. Продать ты мне новый КИП можешь? У тебя ведь где-нибудь завалялась парочка, а?

– Катись ты к черту, понял?! – выпалил Порфирьич после секундного раздумья. – Только за то, что ты был здесь, меня уже могут к лошадям привязать и в обе стороны их пустить. Я не буду тебе ничем помогать, ни за какую цацку, понял? Никогда.

Покидая мрачный, сырой подвал, Егор Звягинцев решил, что сегодняшнюю дату, шестнадцатое июля две тысячи семнадцатого года, надо запомнить. И в календаре отметить, что это самый паршивый день за все семь лет, что он топчет территорию Атри. Может, ему было хуже, когда за ним гнался хищный зверь? Нет. Может, когда он попадал в карман-ловушку между двух смертельных аномалий? Нет. Ну так, может, когда он наступил на «пружину» и его, раскрутив за ногу, подбросило вверх метров на двадцать? Нет. Потому что в подобных случаях он вполне закономерно чувствовал близость смерти, с которой сам же и заигрывал. А сейчас ему предъявили обвинение, которое непременно повлечет за собой недоверие других бродяг и порицание жителей тех деревень, с которыми он поддерживал хорошие отно-

шения. Это если не считать, что теперь его главный враг – самый мощный по боеспособности клан средней полосы.

Глава 3

К кому обращается человек в том случае, когда, казалось бы, обратиться уже не к кому? Верно, к самому надежному, проверенному, лучшему другу, с которым его связывает не только пивная кружка после работы или соседство по комнате, а годы сплошных испытаний. С которым он делил последний ломоть хлеба и глоток воды, с которым укрывался холодной таежной ночью одной фуфайкой. Доверие к которому закалено как сталь, не единожды проверено в те минуты, когда приходила беда или нужно было разделить радость. Который сам горел, но выносил его, раненого, из «долины гейзеров». Который подставлял спину под пули, но не оставлял его на поле брани...

О нем сейчас думал Кудесник. О друге. Только он мог бы в полной мере понять его и поддержать. Да, старшина, разумеется, был прав. Никто не знает, отчего так повелось, но к нему приходили, как к батюшке на раскаяние и прощение грехов, многие бродяги. Даже те, кто действительно убил своих напарников ради хабара или каких-то других целей. А он всегда выслушивал их, давал совет, предлагал познакомить с людьми, которые могли помочь. Для старшины, по большому счету, не было разницы, убийца перед ним или случайно попавший на плоскость наковальни бродяга. Или вообще невинный человек. Он никогда никого не сдавал, и это делало ему честь, но Кудеснику нужно было больше, чем просто совет.

Егор настолько погрузился в раздумья, что не сразу почувствовал прикосновение чьих-то пальцев к своему бицепсу. Он поднял голову – перед ним стоял низкий, очень худой мужчина лет сорока, с темным лицом и набухшими синяками под глазами. Он ухватился за руку Кудесника так цепко, будто поймал вора.

– Беги отсюда, – прошептал он одними губами. – Они уже за тобой вышли...

– Эй, ну ты! – крикнул ему сверху «азаматовец», один из тех, что патрулировали городскую стену, нарезая круги по специальным мосткам, сделанным из строительных лесов. – Чего пристаешь к человеку? Иди себе, работай.

Селянин тут же отпустил руку Кудесника. «Беги», – повторил он и быстро удалился.

Двое не шибко смекалистых бойцов, что несли службу на КПП, а проще говоря, открывали и закрывали ворота, попытались отговорить его покидать поселок. Они были не так наглы и самоуверенны, как те, кто охранял вход в сельсовет, а даром убеждения не обладали вовсе. Потому стоило Кудеснику посверлить сначала одного, а потом другого острым взглядом и нажать на слово «нужно», как те безоговорочно открыли ему ворота. И лишь бойцы с бэтээра, пристроившегося в тени, посмотрели на них с явным непониманием, будто так и хотели спросить: вы чего, сопляки, делаете? Но не спросили, пропустили Кудесника, перекинулись парой матерных слов, да и только.

У блокпоста, перед шлагбаумом, сопротивление бродяга встретил несколько более жесткое.

– Ты что, реально уже лыжню наметил, братишка? – изобразил на лице удивление «бугор». – Куда так гонишь? Потуси еще у нас. Завались в бар, там спиртыга – свежак, только недавно Седой отогнал. Успеешь на тайгу свою.

– Сова в тему базарит, Кудесник, – подтвердил откуда-то взявшийся Михай. – Сейчас за пару часов стемнеет, куда подашься на ночь глядя? Застопорись тут где-нибудь, а завтра поутру себе вырулишь.

Надо было быть полным тупицей, чтобы не понять, что за этим притворным беспокойством таится нечто другое. Несложно было догадаться, что именно, не так ли? Ну да, те самые «ути-пути», с которыми охотник подбирается к фазану с щепоткой зерна в протянутой левой руке и спрятанной за спиной с мотком веревки правой. Ах, какие душевные ребята,

волнуются о том, как же он, бедненький, в тайгу-то один выйдет на ночь глядя?! Глядишь, и убедят остаться еще на часок-другой, спирта свеженького отведать да подождать, когда «монгольский» отряд до Коломино доберется. Нет уж, хрен вам.

– Мне нужно идти, – сказал бродяга, давая понять, что их уговоры на него не подействуют. – Выдайте мое оружие. Пожалуйста.

Большой оружейный шкаф, некогда обычная трансформаторная будка, находился внутри блокпоста, ее было видно через открытую внутрь металлическую дверь. Дверной проем закрывал широко расставивший ноги Михай. Рассчитывать на то, что удастся силой отобрать свое, не приходилось. Группа быстрого реагирования на бэтээре, снайперы и пулеметчики на вышках, да и тут четверо при оружии... не считая тех около десятка бойцов, что прохаживаются по скрипучим доскам мостков. Рыпнешься – сразу из нескольких стволов уложат.

– А ты шо, как я погляжу, туповатый, да? – посерьезнел Михай, подойдя к Кудеснику впритык и раздвинув руки, как оберегающая цыплят курица. – Иди, говорю тебе, в кабак, спирту попей. Или ты не втягиваешь, что я тебе говорю?

«Ну? – дожидался ответа внутреннего голоса Кудесник. – Как скажешь, что лучше: пуля „азаматовца“ или плаха „монгола“? Мм?»

Патрулирующие стену «азаматовцы» остановились, присматриваясь к назревающему у главных ворот конфликту, но Сова поднял руку с вытянутым большим пальцем и кивнул, мол, у них все под контролем.

«Ждать, – велел внутренний голос. – Ждать...»

– Да нет проблем. Понял я все, понял, – заставил себя улыбнуться Кудесник, отступив на шаг и в успокаивающем жесте вскинув раскрытые ладони.

Патрулирующие, убедившись, что замешательство у ворот не перерастет во что-то более опасное, продолжили хождение вдоль стены.

– То-то, – удовлетворенно кивнул Михай, и его небритое лицо растянулось в привычной ядовитой ухмылке. – А то уперся, как бычьё, со своим «идти, идти». Релаксни пока, наковыляешься еще.

Три... Патрулирующие на скрипящих мостках с левой стороны сейчас скроются за поворотом. Два... Последний патрулирующий удалился дальше, чем на пятьдесят метров, пулеметчик на одной вышке стоит лицом к деревне, снайпера не видно, может, его там и нет? Один... Снайпер на другой вышке смотрит на восток. На западе, куда нужно будет бежать, из-за тучи блеснуло солнце, когда он повернется в твою сторону, его блики на мгновение замаскируют тебя для его прицела. Но помни, это лишь на мгновение. Ноль...

В такие моменты не стоит полагаться на ум, потому что все решают инстинкт и подсознание. И Кудесник доверился инстинкту. А потому не запомнил, как расширились зрачки Михая, когда каблук ботинка врезался ему в подбородок. Так же, как не запомнились и ошарашенные глаза Совы, когда твердый, как камень, кулак Кудесника поверг его на землю. Двое молодых уже собрались было выскочить из блокпоста, но, как только первый из них ступил на порог, Кудесник затолкнул его обратно, вырвал у него из рук оружие и дал наискось очередь. Пули прошли первому грудь, а второму – живот, оба отлетели назад, ударились о стену и сползли на пол.

Кудесник бросился к оружейному шкафу, открыл дверцу, схватил своего «пустынного орла» и рюкзак – слава Богу, эти идиоты не додумались упрятать его имущество куда подальше, – теперь оставалось лишь перепрыгнуть через шлагбаум. Ну да, как же, размечтался!

С обеих сторон застрекотали пулеметы, земля взрыхлилась в тех местах, куда влетали пули, кто-то закричал на зековском сленге что-то насчет беженца, заметались «азаматовцы», как муравьи, зафурчал у ворот, выпуская черные облака копоти, БТР. «Понятное дело, – поду-

мал Кудесник. – Раз с „монголами“ договорились, значит, нужно выполнять условия соглашения и не допускать, чтобы предмет договора так легко улизнул. Кто ж знал, что он один, безоружный, четырех вояк на блокпосту из строя выведет?» Да и сам Кудесник такого не ожидал, случайно все получилось.

И хотя расстояние до шлагбаума можно было преодолеть в пять-шесть средних шагов, бродяге показалось, что он бежал до него полжизни. Пули журчали над головой, с глухими щелчками вонзались в землю, а вот и она – слышишь? – приближается с особым свистом, шипя, как брошенный в «микроволновку» кусок мяса.

«Эта заденет», – подумал Кудесник.

Пуля калибра 7,62 прошла у него с левой стороны под мышкой, прошив бушлат, защитку, свитер, тельняшку и прорезав тело как раз тогда, когда он уже был у шлагбаума. Снайпер промахнулся всего на пять сантиметров, но это был как раз тот отрезок времени, который отделяет жизнь от смерти. Пять сантиметров, и, как бонус – лишь небольшая царапина, которую Кудесник даже не почувствовал.

«Нет! – вдруг завопил его внутренний голос. – Это ошибка! Ты допустил ошибку! Назад! К блокпосту!»

Застрекотал крупнокалиберный на бэтээре, пули свистели прямо над ухом Кудесника, но, словно заговоренные, пролетали мимо цели. Понимая, что такое везение не может длиться вечно, Кудесник вбежал в треугольное помещение блокпоста, захлопнул за собой дверь и прижался к стене.

«Все, отбегался», – подумал он, чувствуя, как задрожала под ногами земля: БТР уже был совсем рядом. Сейчас бойцы окружат блокпост, вставят стволы в смотровые щели и будут палить до тех пор, пока у них не закончатся патроны. А когда закончатся, кто-нибудь непременно додумается забросить внутрь гранату.

«Но если так, – подбодрил себя Кудесник, увидев стоящую в углу базуку, – то и вы надолго запомните этот день...»

Он схватил гранатомет, присел у смотровой щели, напротив которой остановился БТР, и закинул оружие себе на плечо. Бойцы «быстрого реагирования» среагировали, следует заметить, и вправду быстро. Лишь только они увидели торчащий из щели конусовидный снаряд, как их глаза округлились, кто-то выкрикнул: «Ну его на х**!» – и бойцы бросились от бронетранспортера кто куда. Только подошвы засверкали.

Кудесник, улыбаясь, уже был готов спустить курок, но тут ощутил, как холодный ствол прикоснулся к его затылку.

– Не шевелись, бродяга, – сказал сзади кто-то. – Бросай пушку.

– Да хрен вы меня больше на этот понт возьмете, – твердо ответил Кудесник, напрочь позабыв о незапертой двери у себя за спиной. – Собрался стрелять – стреляй, чего ждешь?

– Храбрый, – сказал кто-то другой, а в следующий миг Кудесник получил удар по затылку и рухнул на землю.

Вопреки небезосновательным ожиданиям очнуться в окружении узкоглазых «монголов» с торчащими из-за спин рукоятками самодельных катан и автоматами в руках Кудесник увидел перед собой портрет Ильича с кепкой в руке, а под портретом – коломинского старшину, на лице которого застыло выражение смертельной усталости и печали. За столом напротив старшины сидел незнакомый Кудеснику человек в черном кожаном плаще с поднятым воротником, с дымящейся сигаретой в углу рта.

В таежном поселке наступила ночь. Городские фонари светились, как и положено, ярким светом парортутных ламп, крестьяне позвякивали орудиями труда, возвращаясь с полей после тяжелой работы и украдкой заглядывая в окна сельсовета, а в домах плакали и смеялись их дети.

Странно, но боли в голове Кудесник не чувствовал. Это было приятным сюрпризом, а вот неприятной неожиданностью оказалось то, что он не мог даже пошевелиться. Опять. Точно как вчера, когда очнулся в окружении мертвых «монголов». Он сидел на стуле даже не привязанный, и только голову будто кто-то сзади держал, чтоб смотрел прямо.

– Сдали? – еле ворочая языком, поинтересовался Кудесник. – Прислужились хану?

Старшина потупил взор, вздохнул, а затем резко встал из-за стола и вышел из комнаты, оттолкнув кого-то на входе.

– Кто тебя сдавал-то, чучело?

Место за столом занял крупный, плечистый здоровяк с выпирающим брюхом и многоярусным подбородком. Сразу было видно, кто это: расстегнутая до пупа «азаматовская» синяя форма и поблескивающая на шее золотая цепь толщиной с палец – ну конечно, тот самый смотрящий.

– Я на личные хановы проблемы с прибором прибрассывал, понял? И слишком плохо ты нас знаешь, если думаешь, что мы в шестерках под ним ходить будем. Он нам еще за изгоев не отбашлял, жмыдло. Так что даже если б он мне за тебя скинул свой канал по оружию, я бы не сразу тебя ему выдал. Пусть порыскал бы по тайге со своими ниндзя пару месяцев...

Он захохотал, и его живот начал подскакивать в такт. За спиной Кудесника еще кто-то засмеялся, судя по голосам, их было двое или трое. Один из них принадлежал лишившемуся сразу нескольких зубов Михаю, бродяга понял это по характерному шипящему свисту, который возможен лишь при выбитых передних зубах. Остальные двое были ему неизвестны.

«Лыбится еще, падла, – с досадой подумал он. – Нужно было тебе шею свернуть для надежности».

– А ты не бедово моих абреков поломал, – будто поняв, о чем думает Кудесник, с некой завистью голосе произнес смотрящий, и Михай тут же перестал смеяться. – Предложил бы тебе важняковый пост у нас в банде, дык ты ведь не согласишься, верно? Знаю я вас, вольных бродил, пока жизнь не обломит, корчите из себя крутых фраеров. А хотя, если б даже и согласился, – смотрящий опечаленно причмокнул и кивнул на человека в плаще, – то я тебя уже никак не возьму к себе.

– Зачем я тут? – спросил Егор, начинался ощущать руки-ноги, но все еще не в силах пошевелить ими.

– Скоро узнаешь, – подмигнул ему смотрящий, и тут Кудесник услышал звук, который спутать с каким-либо другим было невозможно: клетот шестилопастного винта был знаком ему со времен прохождения срочной службы в ВДВ. Ми-8? Да, он самый, трудяга.

Человек в плаще тоже услышал стук лопастей «вертушки», встал со стола и, приподнявшись на носках, обернулся к Кудеснику. Бродяга ошарашенно захлопал ресницами и, если б мог, подался бы назад. Он хоть и навидался за годы пребывания в Атри и тварей всяческих, и людей покалеченных, но от вида этого человека у него по спине – о, как он это почувствовал, – пробежали мурашки. Правой части лица у странного человека не было вообще. Оно было стерто, будто его привязали к машине и волокли по асфальту, не давая возможности извиваться. Ни глаза, ни части носа, ни уха, вместо губ – оскал обнаженных зубов, там, где была щека, блестит белая кость, на скуле обнажена бордовая челюстная мышца. Этот человек походил на муляж, у которого публика должна видеть лишь одну часть лица, и поэтому другую изготовили абы как, просто чтобы форма головы сохранилась. Волосы у него также были лишь на левой стороне черепа и на затылке, правая же была лысой и изуродованной.

Смотрящий поспешил вскочить с кресла и растянул в улыбке перед уродом пухлые губы. Человек в кожаном плаще, на вид ему было лет сорок пять, неподвижно стоял у окна и смотрел куда-то сквозь «азаматовского» авторитета, будто его и не существовало вовсе.

«Кто же это такой, если сам смотрящий трепещет перед ним? – думал Кудесник. – Уж не его ли работа – убийство „монгольского“ отряда и мое одурманенное состояние?»

Не говоря ни слова, «полулицей» цокнул оставшейся частью губ, встретился взглядом с почтительно склонившим перед ним голову смотрящим и кивнул кому-то за спиной у Кудесника. Трое дюжих «азаматовцев» тут же подхватили бродягу на руки, погрузили его самому здоровому из них на плечо и понесли прочь из избы сельсовета.

Вертолет, помигивая хвостовым огнем, приземлился прямо перед блокпостом, удачно поместившись между пнями столетних сосен. Кудесника сопровождало человек шесть, а может, и того больше, он видел лишь троих, шагающих с оружием наготове по обе стороны от себя. Боялись, что он, даже будучи безоружным и без чувств, все равно может от них ускользнуть? Значит, по достоинству оценили. Это радовало.

Пилот, открыв дверцу кабины, сначала долго смотрел, как бесчувственного бродягу заталкивают на пассажирскую скамью, а затем с негодованием сплюнул. Видимо, перевозить всяких впавших в беспамятство типов у них отправляют пилотов помоложе, ведь ясное же дело, что ситуация внештатная.

Кудесника перетянули крест-накрест ремнями безопасности и положили на скамью. Все, что он теперь видел, были чей-то рюкзак и ботинки тех, кто с ним маялся. Кто-то, сев рядом с ним, осторожно поинтересовался у «полулицего», точно ли бродяга не придет в себя за время перелета, но тот ничего не ответил.

Ноги Егор Звягинцев начал ощущать, еще когда смотрящий предлагал ему важный пост в «Азамате». Когда его бросили в вертолет, он едва не выдал себя, опираясь на них и тем самым помогая здоровяку водрузить его тело на скамью. Теперь пришел черед рук. Он их незаметно сжал в кулаки и разжал – практика вчерашнего дня. Если это получается, значит, минут через двадцать наркотик, – а он был уверен, что ему вкололи какой-то препарат, – отпустит. До былого проворства, с которым он вышиб потроха из четырех охранников на воротах, конечно, будет еще далековато, но сил, чтобы проткнуть полулицему последний глаз, должно хватить.

«Надеюсь, я успею очухаться прежде, чем мы взлетим, – подумал Кудесник. – Прыгать чего-то совсем не хочется».

То, что его повезут не к «монголам», он понял сразу. Слишком много сложностей для такого пустякового дела. Можно предположить, конечно, что все это замутил хан, ведь это не так уж и сложно. Достаточно просто нанять постороннего человека, чтобы тот выкупил бродягу у зеков, действуя от своего имени. Но тогда вопрос: почему хан пошел путем наибольшего сопротивления? Зачем он нанял для этой ничтожной миссии человека с такой незабываемой внешностью, к тому же в одежде, которая сама за себя говорит, что ее обладатель не из Атри? Ну да это еще что. Главное – вертолет! Зачем он нужен, если от Коломино до Ордынца всего семьдесят верст пути? Достаточно группы всадников, которые могли бы взять его под стражу и за день доставить в «монгольский» стан. Не может не удивлять и другое – как хан сумел договориться с военными, чтобы те отправили за каким-то бродягой целый вертолет? Это же вообще чистой воды бред! Вояки никогда не послушали бы главаря какой-то там группировки из средней полосы! Ну и что, что авторитетный? Ну и что, что правитель мощного стана? Для них, в белом периметре, все среднеполосовцы на одно лицо, хоть самый сильный клан, хоть мелкие кочевники. Главное, чтоб их никто не трогал. Так с какого же перепугу армейцы помогают хану решать личные проблемы?

«Подкупил? – обдумывал версию Кудесник. – Вряд ли. Вояки могут подкупить только те, кто с ними правдами-неправдами сотрудничают. „Чистильщики“, например. Или те же „медведи“, от которых вояки, хоть они и не хотят этого признавать, зависят. Ведь если не будет наемных бродяг из кланов – не будет у вояк хорошей пенсии по возвращении на родину (минуя протокол стирания памяти, разумеется). Да и здесь никто не выполнит ту грязную

работу, за которую рядовой состав братья не станет, хоть ты в них стреляй. Ради тех группировок, пожалуй, военные рискнут пойти на нештатное задание, но ради хана? Нет, не верю».

Вертолет взмыл в ночное небо. Кудеснику хотелось верить, что пилот знает, что делает. Вылеты в темное время суток были строго запрещены. Ориентироваться по приборам в Атри можно, только находясь на земле, и то следует сверяться с показателями собственной интуиции. Если датчик аномалий показывает, что проход чист, а сердце отчего-то начинает выплясывать менуэты, стоит пожертвовать последним маркером – вдруг интуиция точнее прибора? Что ж до полета в ночи, когда ориентироваться можно исключительно по приборам, то здесь пилот здорово рисковал. А значит, риск того стоил. И если все выводы сложить в одну кучу, то становится понятно, что Кудесником интересуются не узкоглазые, а гораздо более влиятельные люди. Достаточно вспомнить, как лебезил смотрящий перед «полулицым», чтобы понять, что корни ситуации уходят гораздо глубже, чем это можно себе представить. Хорошо это или плохо, бродяга еще не знал, да и, собственно, не это сейчас его интересовало.

Теперь он мог в полной мере ощутить пульсирующую резь в затылке и слышать гул гигантского колокола в голове. Да, это вернулась способность ощущать. Но вместе с ней возник и прилив сил в мышцах. Действие наркотика закончилось.

Дабы не выдать себя, Кудесник не поднимал голову, но, пользуясь покачиванием «вертушки», сумел-таки увидеть двоих «азаматовцев», сидящих по обе стороны от него, и троих – напротив. «Полулицего» среди них не было.

Оружие «азаматовцы» держали либо на коленях, либо в руках, но Егор решил, что пользоваться они им не станут. Не для того нанят вертолет, чтобы ценный груз был расстрелян при попытке к бегству. «Для устрашения стволы взяли, – успокаивал он себя, – просто чтобы поугаждать в случае чего».

«Азаматовцы» травили анекдоты, один, прислонившись лицом к стеклу сдвижной двери, напевал какую-то грустную песню о трудной жизни в лагерях, другой аккомпанировал ему свистом. Было похоже, что они и впрямь на сто процентов верили, что наркотик продержит его в состоянии растения до аэродрома или куда еще они там направлялись. Никому из них даже в голову не пришло проверить, как там себя чувствует их ценный груз. И зря. Рука бродяги медленно, но верно двигалась к замку на уровне живота, в один щелчок освобождаящему его от ремней.

Когда удерживающие «груз» шлейки поползли вверх, сидевший напротив него «азаматовец», травивший анекдоты про тещу, вскочил на ноги, ударился головой о потолок, вымастерился и уткнул ствол в грудь бродяге. Остальные также схватились за автоматы и замерли, не зная, чего ожидать. И лишь когда Кудесник, больше не удерживаемый ремнями, начал клониться вперед, падая сидевшему напротив него бойцу на колени, все облегченно вздохнули.

И клюнули на его уловку.

– Тьфу ты, блин! – сказал один, опуская ствол. – Я уж думал, он пришел в себя. Держите его, братаны, пристегнем еще раз.

– Замок, видать, хлипкий... – повертев в руках крепезный карабин, повел плечом второй.

– Да пусть валяется тут, – лениво возразил третий. – Никуда он уже не убежит.

– Ты что, не слышал, что смотрящий сказал? – буркнул первый. – Бродяга должен быть зафиксирован в положении сидя, а не то кровоизлияние в мозг, и хана товару. А заодно и тебе, конвоир хренов.

Двое, что сидели по обе стороны от Кудесника, отложили оружие и подхватили бродягу, сползавшего в проход и (тут Егор понял, что даже немного переиграл) ударившегося лицом о скамью. Один «азаматовец» откинул назад его голову, встретился с помутневшими глазами –

бродяга как только мог, изображал из себя «ушедшего в астрал» наркомана, – спросил, все ли у него в порядке. Кудесник, едва ворочая языком, ответил, что все нормально, но тот не слышал его слов из-за стука лопастей и рокота двигателя. А когда его попытались поднять, бродяга обмяк и стал будто на центнер тяжелее, запутывался ногами и умышленно сползал на пол. Ему нужно было спровоцировать всех пятерых одновременно сделать попытку усадить его и закрепить ремнями, в таком случае он смог бы добиться их максимальной отвлеченности. Спустя пару минут безрезультатной возни за работу взялись пятеро.

– Господи, помоги, – прошептал Кудесник, и как только его водрузили на скамью, выхватил из кобуры одного из бойцов «макарова» и выстрелил в хозяина пистолета, почти не целясь.

Пуля вошла бедолаге в подбородок, вынесла часть затылка и звякнула в потолок. К привычному стуку лопастей прибавилось громкое дребезжание и гул, а сам вертолет ощутимо задрожал. Воспользовавшись растерянностью бойцов, бродяга выстрелил еще в одного два раза подряд, одной пулей пробив плечо, а другой – горло. Четвертая пуля разбила окно в сантиметре от взъерошенной головы недавно поющего конвоира.

Справиться с пятью нехилыми ребятами в тесном грузопассажирском отсеке Кудеснику, даже невзирая на его умение до мелочей просчитывать ситуацию, было бы, разумеется, не под силу. Приходилось рассчитывать на случай и удачу. Ведь сейчас, всего через мгновение, – а именно столько нужно залихватскому вояке, чтобы оценить всю глубину непредвиденного эксцесса и решить, как действовать дальше, – Кудесник может оказаться в положении куда более невыгодном, чем прежде. Настанет черед пулям лететь в него.

Свистун и Анекдотист, как их условно назвал Кудесник, были мертвы, но оставались еще Певец и два Смеяна, которым Анекдотист еще пять минут назад травил свои тупые байки. Двое последних, к слову, были гораздо резче Певца, и пока тот только еще тянулся за лежащим на скамье АКСУ, они уже направили оружие на бродягу.

Егор понял, что фактор внезапности, на который он так рассчитывал, не проканал. И стрелять они, по всей видимости, в него будут по-взрослому – не для устрашения, чай, за оружие хватались. В принципе оно и не удивительно, в таких случаях забываешь обо всех приказах, потому что на кону не успех той или иной операции, а собственная жизнь. И сделаешь ты ради того, чтобы спастись от обезумевшего бродяги, вышедшего из наркоза раньше, чем это было обещано, все, что угодно.

Зная это, Кудесник выстрелил еще раз и успел как раз в тот момент, когда первый Смеян уже спускал курок. Пуля из «макарова» угодила конвоиру аккурат в переносицу, и автоматная очередь продырявила обшивку и без того пикирующего к земле вертолета. Кудесник выиграл пару драгоценных мгновений, чтобы перевести дыхание и прицелиться во второго, но тот оказался быстрее.

Казалось, на сей раз Кудеснику не избежать пули из наставленного на него АКСУ. «Если не убьют, то продырявят», – подумал Звягинцев. Но, как говорится, если перед этим долго не фартит, то порой случается настоящее чудо: вертолет резко повело вправо, и автоматчик, рассеивая пули по отсеку, не удержался на ногах. Он подался вперед, споткнулся о тело осевшего между скамьями Анекдотиста и полетел прямо на бродягу.

– Ах ты ж су-ука! – завопил он, отведя руку Кудесника в сторону и отправив адресованную ему пулю в потолок.

Этого Егор Звягинцев предвидеть никак не мог. Перед глазами у него потемнело. Он никогда не был в подобной ситуации и не знал, как это больно, когда пытаются вдавить автоматом кадык в глубь шеи. Он сипел, кричал, издавал булькающие звуки и пытался вывернуться или хотя бы выдернуть руку с пистолетом, прижатую коленом «азаматовца» к полу, но все было тщетно. Сил все еще не хватало для полноценной рукопашной.

Вторая выпущенная в двигатель пуля поспособствовала тому, что вертолет закоптил и начал счесывать верхушки елей. Скоро он опустится еще ниже, лопасти запутаются в ветвях деревьев, скорость полета погасится, и тогда он камнем рухнет вниз. И если б только это было самым страшным. Ведь никому не известно, что ожидает его внизу.

Впрочем, это проблемы будущего, в настоящем же первым делом нужно было решить проблему с насевшим на грудь «азаматовцем», а для посиневшего, задыхающегося, выбившегося из сил Кудесника это с каждым мгновением казалось все более невозможным.

«Ну не так же помирать-то! – укорял его внутренний голос. – Не от руки же говенного потомка бандюка! У тебя же остался последний патрон!»

– Отползай! – вдруг закричал Певец, и по голосу Кудесник сразу же узнал того, кто первым вскочил на ноги и направил на него ствол, – тот самый, долговязый, что ударился головой в потолок и напомнил остальным, что «товар должен находиться в положении сидя». – Слышь, Оскол, хватит! Ты убьешь его! Эй!!!

Но Оскол не ослабил давление ни на чуть. Его глаза вылезали из орбит так же, как и у Кудесника, крупные капли пота катились по лбу, во взгляде читались ненависть и желание убить бродягу во что бы то ни стало. Внезапная очередь прошла его спину как раз в тот момент, когда вертолет врезался в верхушки столетних сосен и, продираясь сквозь них со скоростью падающего метеорита, начал быстрое сближение с землей.

Оскол, в глазах которого застыло непонимание и изумление, ослабел, хотел было оглянуться, но рухнул на Кудесника, придавив его своим телом.

Бродяга порадовался, что все обернулось именно таким макаром и теперь перед ним всего один «азаматовец». Правда, и в обойме остался последний патрон. Но как только он пошевелил рукой с зажатым в ней пистолетом, вертолет закрутило, словно подхваченную вихрем снежинку, конвоир повалился на скамью, и последняя пуля ушла в молоко. А вертолет, с доносящимися из кабины писками сигнализаторов и криками пилота, вместо того чтобы громыхнуться на твердую землю, с громким шлепком приземлился во что-то мягкое, подняв в воздух мириад тяжелых брызг.

«Не тонет, – подумал Кудесник. – Значит, не в озеро грохнулись. И на том спасибо».

Двигатель заглох в момент удара о землю, но винт по инерции продолжал еще какое-то время вращать обломки покореженных лопастей. Сквозь разбитые окна внутрь вертолета ворвался хор тысяч лягушек, скрежещущих что-то на своем языке, а в воздухе появилась привычная болотная вонь: смесь серы, хлора, перегноя и застоявшейся воды. Зарешеченная контрольная лампа по-прежнему освещала салон жидким желтым светом, но ее совсем не хватало для того, чтобы разглядеть хоть что-нибудь за бортом вертолета.

«Азаматовец» лежал в противоположном углу отсека, при падении он расшиб себе голову, кровь стекала у него по лицу, но на его резвости это никоим образом не отразилось. Они схватились за автоматы одновременно.

– Не глупи, Кудесник, – шмыгнул носом конвоир. – Брось ствол.

– Ага, обязательно, – ослабил бродяга. – Что-нибудь еще?

– Пристрелю же ни за хрен собачий! – пригрозил конвоир, прижавшись спиной к сдвижной двери. – Брось, базарю тебе! Брось по-хорошему!

Но Кудесник и не думал подчиняться. Он, конечно, сознавал, что играет с огнем, ведь «азаматовец», когда поймет, что уговоры не действуют, все же может дать слабину, и тогда кто знает, чем закончится словесная перепалка? Ранит так, что истечет Кудесник кровью до утра, или вообще убьет к чертям, чтоб знал, как выделываться. Но вести себя серьезнее бродяга сейчас не мог. Ситуация казалась ему отчего-то скорее комичной, чем трагичной, и он не ощущал страха, глядя на направленный ему в грудь ствол автомата. Думалось, что после баталии в небе, где только чудом никто не продырявил торчащий из стены топливный

бак и не превратил Ми-8 в пылающий астероид, обычный автоматчик уже не будет для него сильной помехой.

– Твою мать, – чертыхнулся конвоир, заметив, как пол начинает заливать серо-коричневая жижа. – Пришить бы тебя нужно было и не разводиться всю эту бодягу!

– Так в чем проблема? – продолжал дразнить его Кудесник. – Или от «полулицего» боишься пулю получить за невыполнение задания?

– Сука ты! Сука, Кудесник! – зашипел «азаматовец», ни на миг не спуская бродягу с прицела. – Еще злорадствуешь?! Брось ствол, не строй из себя матерого фраера!

– Послушай, у меня есть другой вариант, – сказал Кудесник, теперь уже в полной мере ощущая, как пол под ним начинает заливать жидкой болотной кашицей. – Что ты думаешь насчет того, чтобы мы с тобой сейчас опустили пушки, выбрались из этой посуды и разошлись каждый своими путями? По-моему, это не самый плохой выход из сложившейся ситуации. Что скажешь?

– Скажу, что за доставку твоей задницы щедро заплатили, – немного успокоившись, ответил конвоир. – А я не хочу быть падлой, мне отстегнули – я выполняю.

– Да? Ну так позволь узнать, как ты собираешься выполнять свой долг дальше? – вновь осклабился Кудесник. – Или ты думаешь, что за нами сейчас прибудет следующий вертолет? Зря надеешься. Кем бы ни был наш «полулицый» друг, а еще одну «вертушку» ему вояки точно не дадут. Это тебе не «калаш» одолжить, тут такая техника в дефиците. И КИП свой можешь выбросить – ты на болотах, здесь связи нет. Так что будешь делать? Вести меня в наручниках пешком до белого периметра? Куда там тебе нужно меня доставить? К воякам? На Стрелку? Или в Муторай? Не в Ордынец же, насколько я понимаю?

– А ты типа сильно догадливый, – сощурился «азаматовец».

– Так далековато будет пешочком, Певчий ты наш, – не обратив внимание на подкол, хохотнул Егор. – Ты как далеко в жизни ходил-то с лесопилки своей? Небось до Коломино и обратно? Десять километров в одну сторону по открытой местности? А семьдесят верст до Краснозвездного по тайге и болотам осилишь? Мы ведь, как ты уже догадался, на северо-востоке топей. Хочешь быть моим «живым маркером»? Валяй, посмотрим, что из этого выйдет.

Звягинцев почему-то был уверен, что «азаматовца», который был примерно его ровесником – лет двадцати восьми-тридцати, – удастся переубедить. Лицо конвоира приобрело более осмысленное выражение, а руки перестали ходить ходуном. Он и вправду задумался над дальнейшей перспективой. Оно и понятно, ведь всем известно, что славные бойцы «Азамата» никогда не ходили на дальние расстояния. Никто из них не собирал цацек и не исследовал Атри и, уж понятное дело, не отмечал на картах КИПовской сети новообразовавшиеся области измененного пространства. Как чистокровные потомки зеков, они существовали за счет жесткого контроля (читай: «крышевания») над другими прибыльными объектами, как то же Коломино. Окромя житницы, они поддерживали ими же навязанную охрану над брошенным еще в далеких шестидесятых крохотным урановым рудником, на котором трудилось нынче до двух десятков людей, и скотоводческой фермой. Это уже не говоря о засланных казачках – перекупщиках, засевших во многих поселках белого периметра и за копейки скупавших дорогие цацки для последующей перепродажи во внешний мир для наполнения «азаматовского» общака. Так что смысла им ходить в Атри за цацками, быть мальчиками на побегушках, проводниками или экскурсоводами не было никакого. Каждый промышлял по-своему. Кто-то наживался на тех недотехах, что решали перекинуться в «азаматовском» баре с незамысловатым названием «Рентгенкабинет» в покер, кто-то не брезговал мародерствовать в близлежащих территориях, сбивая с юных бродяг нескромный куш, кто-то гнал самогон, а кто-то изготавливал и продавал холодное оружие. А тут семьдесят верст – расстояние не на один день. Кудесник как в воду смотрел: долговязому и вправду не приходилось ходить

по Атри дальше скотоводческой фермы – «колхоза», как они ее называли по привычке, до которого было всего двадцать километров ходу. Вспомнив, что он всегда считал тот путь чуть ли не вечным, «азаматовец» выдохнул и опустил ствол. Так же поступил и Кудесник, хотя, от греха подальше, на плечо забрасывать автомат не спешил.

– Кто первый? – поинтересовался конвоир, кивнув на дверь.

«Молодец!» – хотел было кивнуть ему Звягинцев и поблагодарить за правильное решение, но...

– Никто, – вдруг ответил кто-то из-за спины Кудесника твердым голосом.

Егор тут же отпрянул от двери, обернулся и наткнулся на торчащий из разбитого иллюминатора пистолет. Дверь со скрипом отъехала назад, и в проеме стал виден четкий абрис пилота.

– Не двигаться! – приказал он, поочередно направляя оружие то на Кудесника, то на «азаматовца».

«Это мне уже начинает надоедать! – с досадой подумал Егор. – Ох разозлите вы меня, ох и разозлите!»

Пол отсека к тому времени был уже полностью залит смердящей болотной жижей, так что убитый Певцом «азаматовец», лежащий ничком, оказался затоплен по уши.

Пилот явно находился на грани нервного срыва. Оно и понятно – за загробленный вертолет отвечать только ему, а что он напишет в рапорте? Почему летал в среднюю полосу, куда вылеты запрещены? Потому что ему тоже щедро заплатили? Военное начальство в Атри, конечно, строго наказывать не будет, денег на оффшорных счетах в их бухгалтерии хватит на то, чтобы незаметно прикупить и десять Ми-8, но вот что скажет комитет с Большой земли, который курирует дела Атри? Ведь они не знают и десятой части того, что тут происходит. В их глазах Атри – всего лишь большая шахта с ураном, добываемым для потребностей страны и тайной продажи за границу. А потому ни о каком внебалансном счете атрийских военных частей, ни о торговле «налево» ураном, ни об относительно демократических отношениях с вольными бродягами они не знают. По-прежнему считают, что население в Атри всего пара тысяч человек и каждый сбежавший с урановых шахт заключенный непременно отыскивается и сурово наказывается. Поэтому для них списать боевой вертолет все равно что признать поражение в бою целой эскадрильи. И выделять деньги на покупку нового они будут не один день. А пилот, скорее всего, пойдет под трибунал.

– Встать! – скомандовал он. – Стволы бросьте оба! Живо!

Кудесник положил автомат на скамью, поднялся на ноги, вовремя пригнув голову, и посмотрел на пилота. Майор, суровый человек лет пятидесяти, такому впору командовать авиаполком, а он тычет стволом, как мокроносы солдатиком с погранзаставы, первый раз увидевший «запрещенных» вольных бродяг.

– Ты чего, мужик? – вытянул шею конвоир, также поднявшись на ноги, но не выпустив автомат из рук.

В ответ грянул выстрел. Пуля пробила правое легкое, «азаматовец» вскрикнул и сполз по двери в грязь, закрывая руками дыру в груди, откуда вытекала, расходясь красным кругом по серой ткани «защитки», кровь.

Майор дождался, когда тот перестал хрипеть, стонать и наконец хлюпулся лицом в затопившую отсек болотную жижу, сделал пару шагов от двери и скомандовал Кудеснику, чтобы тот выходил.

– И руки за голову! – добавил он.

Кудесник выполнил все, что ему велел майор. Выйдя из вертолета, он погрузился в пузырящийся ил по щиколотки. Оглянулся, с сожалением посмотрел на разбросанное по забрызганному кровью отсеку оружие и тяжело вздохнул. Картина до боли напоминала ему вчерашнюю, разве что сегодня он знал, кто кого убил и, главное, как.

– Шевелись! – прикрикнул пилот и махнул пистолетом, указывая куда-то влево.

– Куда ты решил идти? – спросил Кудесник. – Тут везде болота. Компас и КИП работать не будут.

– Молчи, – прошипел пилот. – И шагай. Не все так бедово, как ты нарисовал.

– О чем ты?

– Узнаешь, иди давай.

Ночь, благо, была лунной. Диск луны освещал кочковатую топь, местами поросшую камышом, и можно было отличить зеркальную гладь коварных бочаг от более-менее затверделой почвы.

– Знаешь, а не мешало бы включить дозиметр, – прислушиваясь к шелесту камышей, сказал бродяга. – Я слышал, болота всегда фонят. А еще, что тут водятся...

– Не болтай! – зло шепнул пилот. – Иди вперед.

– Жердину бы выломать какую, что ли? – остановился Кудесник перед залитым водой участком между двумя большими островами камышей. – Стремновато тут.

– Давай в обход. – Пилот ткнул его стволом пистолета в спину.

– Не делай так больше, ладно? – попросил Кудесник. – Я буду идти, только будь так добр, не тычь в меня этой хреновиной.

Голосистые лягушки, не обращая внимания на нарушителей ночной тишины, продолжали свое квакливое общение. Наверное, у них так принято – высказываться всем одновременно: слитая из тысяч однообразных звуков монодия завораживала. Егору вспомнился пруд в деревне его бабушки. Не такой, как в Корундовом Озере, где даже рыба не водится, а чистый, спокойный, манящий, словно нарисованный. В школьные годы он проводил возле пруда все лето: купался, рыбу ловил, плот сооружал, а позже, когда повзрослел, и девочек туда вечерами приводил. Тянуло его к пруду как магнитом. В образовавшемся на дне яра еще в незапамятные времена овальном водоеме, окруженном до половины зеленым ковром травянистых лугов, ему чудилось нечто магическое. Нечто, чего нельзя объяснить, а можно только чувствовать и понимать. Часто он засиживался там дотемна, смотрел на воду и думал о русалках, водяных, лесных мавках, ведьмах – словом, о всех тех химерических существах из поверий и легенд, о которых рассказывала ему бабушка. Смотрел, слушал песнь лягушек и ждал... Но поверхность пруда обычно была гладкой как зеркало, лишь изредка на ней появлялась мелкая-мелкая рябь от играющей рыбы.

Вспомнил Егор о лесном пруде и забыл тут же. Сквозь камыши что-то слабо просвечивало. Синеватые вспышки то становились ярче, то, наоборот, полыхали, будто газовая конфорка. Подойдя ближе, Кудесник раздвинул руками камыши, и на его лице появилось глупая улыбка. Ба, да это же аномалия «Кольцевик»! Как ее сюда занесло, на этот кочкарник? Три светящихся синим цветом полупрозрачных кольца вращались одновременно один внутри другого, будто нанизанные на невидимую ось, каждый по своей неповторяющейся траектории. Аномалия была довольно крупной, первое кольцо, внутри которого вращались остальных два, в диаметре имело метра два, не меньше.

– Затухает, – прошептал Кудесник, на лице которого играли синеватые отблески. – Скоро появится «Зуб».

– Что? – сощурился майор, без особого интереса рассматривая мерцающую аномалию.

– Говорю, приди сюда завтра в это же время, и возьми двадцать кусков евро. Главное, контейнер свинцовый с собой прихвати.

– Ладно, двигай, – никак не отреагировав на Кудесниково объяснение, сказал он.

«Поистине железная выдержка», – усмехнулся про себя бродяга и начал обходить область измененного пространства, как заковыристо называли аномалии «умники».

Дальше все было залито водой. Бочаги стали невидимыми и неразличимыми. Идти нужно было с утроенной осторожностью, дабы не угодить в наверняка глубокие колодцы.

За мерным шелестом камышей, хором лягушек и легким шипением «Кольцевика» Егор не сразу расслышал посторонний звук. Неискушенный слух никогда не распознал бы его на фоне галдежа и шелеста, что витали над болотом, а вот стреляный бродяга должен был уловить сразу. Он исходил из земли. Сначала источник утробного бульканья находился справа от них, потом переместился вперед, сделал полукруг и оказался сзади.

Звягинцев, ощутив наконец, как вибрирует под ногами земля, остановился как вкопанный. Поднял вверх руку, оглянулся на майора.

– Ты чего? – спросил тот, но бродяга, сверкая белками расширившихся глаз, приложил палец к губам.

– Сейчас вылезет, – шепнул он, когда дрожание почвы стало заметно крупнее.

– Кто?! – глядя себе под ноги, вскрикнул пилот.

– Да тише ты! – сквозь зубы зашипел Кудесник, но было уже поздно.

Зеркальная гладь одной из бочаг метрах в пяти за спиной майора завертелась, словно уходила в сливное отверстие, потащила за собой воду у них из-под ног, заклокотала, словно сточная канава в дождь.

– Что это? Что это? – как заведенный повторял пилот, забыв о бродяге и направив пистолет в сторону водоворота.

– Не тупи, – прошептал Кудесник в ответ, зная, что тот все равно его не расслышит. – Стой где стоишь и не делай резких движений.

Из образовавшейся воронки, втянувшей в себя всю воду, так что теперь люди стояли на земле, метров на десять ввысь взметнулось лоснящееся тело черного гигантского червя. Вот он, настоящий житель сих топей, чей покой посмели потревожить вездесущие любопытные людишки. Стой покорно и трепещи перед ним, возможно, еще сумеешь сохранить себе жизнь.

Ромбовидная голова червя раскрылась, в пасти извивались, словно пальцы, восемь щупальцев, внутренняя сторона каждого из которых была усеяна тысячей крохотных крючковых зубов.

Бродяги называли эту тварь гельминтом, хотя никакого сходства со своим ничтожно малым однофамильцем червь не имел. К тому же люди не были его едой. На топях они бывали слишком редко, да и привык он в основном к животной пище, как следует пропитанной радионуклидами. Человечина в плохо перевариваемых толстых защитных костюмах и жестких ботинках для его рациона не очень-то и подходила. Так что если червь не был зол, дико голоден и не имел проблем с самкой, все было не так страшно, как казалось на первый взгляд. Главное – дать червю понять, что ты сожалеешь по поводу его беспокойства, не имеешь никаких к нему претензий и незамедлительно уйдешь, как только он снова скроется под землю. Объяснить это можно только одним способом – стоять по стойке «смирно!» и не дышать.

Жаль, что некоторые люди думают, будто каждое из атрийских существ – людоед. Возможно, они бы избежали многих проблем, если бы не пытались их уничтожить при каждой встрече, думая, что у тех на уме только их мясо.

Потерявший от ужаса дар речи майор сначала стоял, ошарашенно вглядываясь в наклонившуюся к нему голову гельминта, а потом вдруг закричал, дважды в него выстрелил и бросился бежать. На ходу он чуть не сбил Кудесника, продолжающего изображать из себя памятник, и взлетел на камышовый островок. Раненый червь дернул щупальцами, издал пронзительный, чем-то напоминающий свиный писк и ушел обратно под землю. Вода и болотная жижа из воронки столбом взметнулись к небу, будто земля от мощного взрыва, облив бродягу с головы до ног.

Кудесник этого не видел, но, судя по тому, что суетившийся на островке майор стрелял в воду, воронка образовывалась в ближайшей к нему бочаге. Кудеснику не хотелось ему

помогать, подсознательно он даже был рад тому, что так получилось, – будет знать, самонадеянный сукин сын, как играть в подобные игры и, главное, тыкать ему в спину пистолетом! Но вот есть же кое-что в человеке, что толкает его в подобных ситуациях на безрассудные поступки. И это совсем не чувство жалости. Скорее гораздо более редкое качество – способность поставить себя на место того, кто безнадежно попался в чьи-то когти. Ведь ты, окажись в подобной ситуации, хотел бы, чтобы тебе помогли, так же? Небось полжизни не задумываясь отдал бы – только пусть выручит кто, подаст руку помощи, хоть друг, хоть враг! И куда сразу деваются мысли, обычно возникающие, когда видишь, как кто-то влип покрупному, вроде: «А-а, все равно уже не жилец, зачем лишний раз мне рисковать?» О себе ведь так не хочется думать, верно? Называть себя «не жилец» и безучастно махать рукой.

– Ох и дурак же я, – пробормотал Кудесник, бросаясь обратно. – Ох и дурак!

Следы их маршрута все еще оставались видны на поверхности, да и память еще, слава богу, не подводила. В двадцать раз быстрее, чем они продвигались вперед, Кудесник помчался назад. Не чуя под собой ног и не думая о том, скольких еще гельминтов может привлечь своим шумом, он оббежал светящуюся синим аномалию, перепрыгнул небольшой бочажок и, призвав оставшиеся силы, бросился к месту крушения.

– Черт! – выкрикнул он, приблизившись к месту назначения. – Черт! Черт! Черт! Твою мать!..

Вертолет почти полностью ушел в болото. Десантный отсек был залит однотонной жидкой кашцей, и до мерцающей под потолком желтым светом контрольной лампочки оставалось не больше двух сантиметров.

«Боже, что я делаю? Боже, что я делаю?» – вспыхивало в голове бродяги, но он, словно одурманенный, продолжал снимать с себя куртку и в одночасье разгребать под дверным проемом грязь, чтобы можно было влезть внутрь.

Тяжелый вертолет медленно погружался в пучину ила. Времени было катастрофически мало, но отдаленные крики майора, бегущего по краю лезвия, и пахканье пистолета подсказывали, что тот еще жив.

Сбросив бушлат и набрав в легкие как можно больше воздуха, Кудесник всунул голову в холодную, смердящую гнилью полужидкую массу. Все оказалось гораздо хуже, чем он мог предполагал, ведь одно дело – когда в нос и уши заходит чистая, прозрачная вода, и совсем другое – воняющая, пузырящаяся, во много раз плотнее по составу разбавленная грязь. Шевелить руками в ней было очень трудно, и первая попытка отыскать оружие не увенчалась успехом. Кудесник не дотянулся до скамьи. Нужно было лезть глубже, забираться в залитый отсек полностью, но верхняя кромка дверного проема уже давила ему на копчик, как лезвие гильотины. Если он влезет в вертолет полностью, назад пути уже не будет. Выбираясь обратно, чтобы набрать воздуха, он проскреб до крови спину, но даже не почувствовал этого.

Крики и выстрелы на островке к тому времени стихли. Но автомат теперь был нужен Кудеснику вдвойне позарез. Если он остался один, то без оружия ему с болот точно не выбраться. Нужно нырять. Но как, если вертолет с каждой секундой опускается все глубже? Это же верная смерть!

– К черту! – яростно ударив по обшивке вертолета ногой, крикнул Кудесник. – Пошел ты к черту! Тони, сука!

Поднялся на ноги, схватил плавающий на поверхности бушлат и уже развернулся было, чтобы идти прочь, но потом вдруг обернулся, бросил одежду и с разгону нырнул в отсек. Ухватился за петли для десантников, подтянулся – на поверхности некоторое время торчали лишь его ботинки. А затем и те ушли в грязь.

Наконец он нащупал плоскость скамьи. Как чумной начал шарить по ней и вдруг наткнулся на... протянутую ему холодную руку.

– О, Господи! – закричал он, но при этом ни одно слово так и не вырвалось из его глотки.

Ему показалось, что его тело щекочут не вздымающиеся пузыри, а прикосновения мертвых пальцев «азаматовцев», тех, кого он убил или кто из-за него умер... «Назад! Назад!» – билась в голове мысль. В панике он начал размахивать руками с утроенной силой, будто отбиваясь от невидимого противника, и случайно зацепил пальцами ремень автомата.

Как выбрался назад, он не помнил. Сознание возвратилось к нему тогда, когда он уже сидел возле торчащего из болота холмика моторного отделения, увенчанного короной винта с фрагментами лопастей. Сидел по пояс в грязи, обхватив руками колени, а поодаль уже был слышен звук, с каким стекает по канаве бурный дождевой поток. Гельминт поднял шею из бочага примерно метрах в десяти от бродяги. Наклонившись вперед, раскрыл пасть, пошевелил шупальцами у Кудесника над головой, убедился, что тот не выражает враждебности, и убрался восвояси, снова подняв в воздух облако воды и грязи.

Егор встал, взял нуждающееся в детальной чистке оружие, одежду и побрел в противоположную изначальному маршруту сторону. Дальше болото становилось гуще, вдали виднелась стена сосен – та самая, что поспособствовала мягкому приземлению, но это отнюдь не значило, что топи там заканчивались.

Он уже успел отойти на достаточное расстояние, когда услышал чей-то тихий, еле слышный стон и призыв о помощи. Голос долетал откуда-то слева, с «двух часов», как говорят спецназовцы. В той стороне, насколько это позволял разглядеть лунный свет, было чисто в том смысле, что не росли камыши и не поблескивали бочаги. Приглядевшись, Кудесник разглядел лежащего там человека.

Это был второй пилот вертолета, молодой совсем лейтенант, с тоненькими усиками и светлым лицом.

– Эй, вы, – позвал он дрожащим голосом. – Помогите, пожалуйста...

Кудесник еще издали увидел, что дела у парня плохи. Должно быть, он выпрыгнул на лету, когда вертолет еще только начинал терять высоту. Если бы он чуть повременил, то вместо высыхающего и достаточно твердого болота мог упасть в ил и тогда бы выжил. Но он выпрыгнул слишком рано, и теперь обе его ноги казались неественно длинными и выкрученными, будто принадлежали совершенно другому человеку.

– Я – с-с-тажер... – заикаясь, заговорил он. – У меня э-э-это первый вылет... Скажите, я сильно ранен?

Похоже, парень все еще находился в шоке. Он сел, упираясь спиной в кочку, и теперь мог видеть и оценить характер повреждений. Но тем не менее от Кудесника он ждал успокаивающего ответа.

– Я не смогу тебя отсюда забрать, – присев возле него, отрицательно покачал головой Кудесник. – Ты вешишь около восьмидесяти килограммов. Если я буду тебя нести на плече, мы вместе утонем в болоте. Если я сооружу носилки, ты будешь терять много крови, потому что ноги будут волочиться по земле. Отсюда до ближайшего поселка по меньшей мере километров шестьдесят, пешим ходом идти два дня. У нас нет ни воды, ни еды, ни боеприпасов, ни бинтов, ни зеленки, чтобы предотвратить сепсис. Ты не дотянешь. Извини... У тебя есть пистолет?

Глаза лейтенант потухли. В какой-то миг он начал рыскать взглядом по земле, словно искал, чем можно заинтересовать бродягу, чтобы тот задержался еще. Боли при этом он будто не чувствовал, на лице его отражалось лишь беспокойство и страх.

– Нет, нет, пожалуйста, не у-уходите... я знаю. – Он протянул к Кудеснику руку, когда тот поднялся на ноги. – Я кое-что слышал... может, это вас заинтересует. Тот ч-человек с лицом, я случайно подслушал, как он говорил о вас с кем-то по телеф-фону, по секретной линии, у нас на базе. Настаивал на п-продолжении эксперимента... Сильно так н-настаивал.

– Какого эксперимента?

– Н-незнаю. Подполк-ковник Васильев назвал его «визитером», так у н-нас называют гостей из Москвы, но л-лично я думаю, что он не оттуда. Черт его знает, откуда, но не из М-москвы. Он всем заплатил, и у н-нас на базе, и «азаматовцам»...

– Куда меня везли?

– В Ванавару. А перед тем, как упасть, В-васильев связался с тем человеком, и тот приказал ему после падения вести вас на запад к какой-то точке сканирования. А г-где Васильев, кстати?

«Черт-те что!» – подумал Кудесник.

– Послушай, я тебе обещаю, что, как только доберусь до ближайшего поселка или встречу по пути людей, я им заплачу за то, чтобы они вытащили тебя отсюда. У меня есть цапка, которую не забрали «азаматовцы» при осмотре. – Кудесник вытащил из-за пазухи «брошь». – Я ее им отдам.

Уходя, бродяга слышал, как лейтенант плакал. Громко так, ничего не стыдясь. Бродяга знал, чего больше всего хотел бы сейчас молодой офицер, а главное – что чувствовал он, оставаясь совершенно один, слабый и беспомощный, в бескрайних и коварных болотах полной загадок и смертельных уловок Атри...

Бродяга добрался до хвойника и, обессиленный, свалился под первой же сосной. Оглянулся на болота, убедился, что никто его не преследует, и прижался затылком к дереву. Закрыв глаза. И тут же понял, насколько тонка грань между гуманностью и мизантропией, обитающими в человеческом сознании. Обе в равной мере способны подтолкнуть человека к пропасти, оба имеют одинаковую долю прав и обе, как ни крути, по-своему справедливы. Вот еще какой-то час назад Кудесник твердо верил в то, что и вправду способен расстаться с «брошью» во имя спасения лейтенанта, что отдаст ее тем, кто пойдет к черту на рога и спасет никому не нужного пилота. Сейчас же он считал эту идею полным бредом – ведь тот получил деньги от «полулицего», и вез его, Кудесника, в Ванавару, и улетел бы оттуда с чистой совестью. И разве когда-нибудь вспомнил бы о нем? Задумался бы над тем, куда и зачем он приволок его туда из средней полосы? Нет, он потратил бы полученные деньги и жил бы в свое удовольствие! Так что не обязан был бродяга думать он нем – сам взялся, сам пускай и думает теперь.

Так же как и спасать дуrolома Васильева, который так и не познал законов мира Атри.

«Эх, друг ты мой, друг, – с тоской вспоминал боевого товарища Егор. – И чего у нас с тобой так получилось, что мы теперь как два потерпевших кораблекрушение чукчи? Каждый плывет в свою сторону и надеется, что Чукотка именно там».

Не заметил Егор, как и уснул. Лягушачьи песни хорошо помогают уснуть, но если бы их не было, он уснул бы еще раньше. Снилось ставшее родным Корундово Озеро – поселок, который, по подсчетам одних, находился на территории белого периметра, а по заверениям других – на землях средней полосы. Жителям же было совершенно безразлично, к какому поясу их причисляли, административной подотчетности, как и другие поселки-государства, они ни перед кем не имели.

Снился Кудеснику теплый, уютный, пахнувший свежей древесиной дом, потрескивающие в печи дрова да мерный стук старых настенных часов; дом, в котором его всегда ждали удобная кровать, ласковая девушка и пение ночных птиц за окном... Он всегда проводил там время в компании красивых девушек, всегда пьяный. Пропадая месяцами в тайге, он возвращался домой как на побывку. Потому как знал, что недели в мягкой постели хватит с головой, чтобы вновь начать скучать о ней, об Атри. Но какие же сочные были те недели! Безмерно льющаяся водка, банька, старые друзья, с которыми есть о чем поболтать, а после девушки и горячая постель... Но потом вдруг все переменялось. Кудесник словно упал в

свою кровать с трехметровой высоты. Упал и очнулся. Девушка лежала на полу мертвой, ее глаза с ужасом смотрели в его сторону, а за окном полыхали языки огня. Пылал его родной поселок.

«Боже, нет!» – выкрикнул он и выбежал во двор. На земле валялось множество трупов. Не застреленные, не разорванные когтями – убиты, поломаны, покалечены, с неестественно выломанными конечностями, словно сброшены с небоскреба. Дорога была сплошь залита кровью, а пылающие дома постепенно погружались в ил, который скоро выдавит окна и ворвется внутрь, зальет все своей монотонной жижей, поглотит деревню без следа. А в конце улицы, спиной к Кудеснику, стоял он – убийца. Голый до пояса, сильный, мощный, необычных размеров человек с широкой спиной, буграми мышц и толстой шеей. Убийца резко обернулся, и напуганный до смерти Кудесник прикипел к земле: глаза у человека пылали красным.

Кудесник проснулся, вырвался из цепких объятий кошмара. Сердце бешено колотилось, дышал он так часто, будто пробежал спринт. А в следующий миг он понял, что его вторично за сегодняшнюю ночь пытаются задушить. Обезумевший лейтенант с такой силой сдавливал ему горло, что казалось, его еще недавно полные слез глаза вот-вот лопнут от напряжения, как раздавленные мандарины. Его пальцы стали белыми как снег, на шее вздулись вены, рот то открывался, то закрывался, как у игрушечного шелкунчика. Одну ногу он приволок за собой на куске растянувшейся кожи, другой не было вообще.

– Почему ты меня не убил?! – вопил он, и его голос повторило многократное эхо.

Кудесник открыл глаза, вскочил на ноги и схватился за автомат. Знал, что тот неисправен, но привычное ощущение рукояти и цевья в руках придавали ему уверенности. Вокруг было пусто, и лишь шелест камышей и лягушачий базар нарушали тишину над болотом. В небе по-прежнему сиял пятак луны. Все как прежде, и лишь воздух стал заметно холоднее, а ощущение прилипшей к телу под костюмом грязи – отвратнее. Бродяга опустил автомат, еще раз огляделся и решил, что привал окончен. Двигаться ночью было безумием, и пусть впереди простираются болота еще хуже, и бродить по ним придется неизвестно сколько времени, но и оставаться здесь Кудеснику было уже невозможно. Это все равно что томиться в чужой квартире, ожидая поезда, который прибудет только утром. Вроде бы и условия все есть для комфортного времяпрепровождения, а все равно хочется на вокзал, на жесткую перронную скамью.

Он прошел в глубь шумящего верхушками сосняка, стараясь ступать как можно тише, тревожно поглядывая по сторонам и прощупывая перед собой почву длинной жердиной. Он шел, полагаясь на интуицию, считал, что движется на север, в лоно средней полосы, но вот куда именно выведут его зыбкие болотные тропы, это еще вопрос. Здесь компас не работает, в земле полно тяжелых металлов, которые заставляют стрелку постоянно вращаться и гасят покрытие для КИПов. Да и общепринятым признакам выявления сторон света типа поросшей мхом одной из сторон дерева доверять не стоит. Здесь все наоборот, в этой чудной и противоречащей самой себе Атри.

Бродяга остановился и прислушался. Ему показалось, что впереди послышался треск веток. Не ветер ли играет кронами сосен? Спустя несколько секунд звук повторился, и Кудесник удостоверился, что это не случайный звук. Кто-то прятался за растущей полосой шелестающего мелкими листьями кустарника. А может, и не прятался вовсе, может, просто шел, ведь если это зверь какой, то смысла прятаться ему нет – дома он. Другое дело, если засел, замаскировался и приготовился к прыжку...

Как можно тише Кудесник перетянул автомат за спину, достал нож и, всматриваясь в растянувшуюся метрах в десяти от него рожицу, присел на одно колено, погрузившись в ненавистную жижу. И вот из-за кустов вышла темная фигура – высокая, почти не покачивающаяся при ходьбе. Даже хлюпающих шагов по болоту не было слышно. Будто по воздуху

плыла. А за ней вышло еще две. Они двигались треугольником, беззвучно и почти неразличимо на фоне темных деревьев.

Кудесник смог при свете луны рассмотреть их одежды, это были плащи – длинные, едва-едва шелестящие высушенной человеческой кожей, с наброшенными на голову капюшонами...

«О, нет, – подумал бродяга и прирос к земле. – Только не *они*».

И в то же мгновение в голове у него словно кто-то заговорил. Сначала это был тихий гомон, словно долетающий издали, затем – шепот. С каждым мгновением голоса становились все громче, все более отчетливо слышались чужеродные слова. Это был не русский язык и не эвенкийское наречие, что-то совершенно другое, это был скорее язык праотцев, изобилующий свистящими звуками и длинными, труднопроизносимыми словами.

«Самые сильные гипнотизеры Атри. Шептуны...» – подумал Кудесник, и троица, будто их окликнул кто, остановилась.

Голоса, которые слышал бродяга, – это еще не ментальный удар. Это просто, если можно так выразиться, фон, который они излучают. Он исходит от них, даже когда они спят. Но если выдать свое присутствие – не шумом, боже упаси, – а даже хотя бы колебанием пространства мысленными возгласами, вроде: «О, черт, это же шептуны!» – они уже могут начать долбить во все стороны своей ментальной энергией.

Они простояли там, всматриваясь в его сторону и не видя его, казалось, целую вечность. Если бы они разглядели в пульсирующей темноте облик присевшего бродяги, тот бы уже шел, ведомый, впереди них, прощупывая почву. Сразиться сразу с тремя шептунами не под силу даже специально тренированным людям, которых готовят для этой работы лучшие психологи как на Стрелке, так и на Большой земле.

Кудесник не дышал. Странное это чувство, когда к твоему мозгу будто кто-то прикасается. Будто легонько ощупывает потоком целенаправленных мыслей, щекоча, как сквозняком, и только благодаря чрезвычайно низкой скорости движения нейронов в твоей голове этот поток проходит мимо, ни за что не цепляясь.

Шептуны двинулись дальше. Им есть чего бояться. Голыми руками они не смогут справиться даже с зайцем, а потому ощупывать ментальным локатором вынуждены все, от чего исходят даже самые короткие умственные колебания. Кудесника они приняли, возможно, за птицу или небольшого зверька, во всяком случае, не задействовали всю свою мощь, ибо тогда бродяге бы точно не спастись.

После того как они скрылись из виду, Кудесник, для пущей уверенности, просидел в неизменной позе еще минут пятнадцать и только тогда поднялся на ноги, встряхнул головой, сбрасывая остатки ментальной паутины.

«Нет, – подумал он, перечеркнув в уме свое предыдущее решение. – Двигаться ночью – действительно стремно. Нужно отсидеться где-нибудь до утра. Главное, больше не засыпать».

Глава 4

Однообразный ландшафт сибирских равнин, проплывавший за окном под мерный стук колес, не давал Егору отвлечься от адресованных самому же себе вопросов о том, как же так получилось. Как получилось, что еще недавно у него было все, а теперь нет ничего? Его мог, пожалуй, понять только тот, кто ощутил тугость привязанной к потолку петли. Петли, чьи нити сотканы из таких понятий, как «кредит» и «кризис». Горе тем, у кого вся жизнь была взята в кредит: дом, машина, а главное – бизнес. Но что поделать? Горяча юна голова, столько планов, столько амбиций. И дело пошло, что самое главное-то. Глядишь, только вчера пришел из армии, а завтра уже свой бизнес начал. Послезавтра тебя уже и не узнать – весь ухоженный, аккуратный, в дорогой одежде, на дорогой машине. И потом в один момент все р-раз – и закончилось. Посредническая торговля металлом – дело хорошее, прибыльное, но только до тех пор, пока работают металлокомбинаты. А если встали? И у тебя погорели контракты с иностранными партнерами, и все требуют компенсации за ущерб? А банки один за другим шлют тебе напоминания: не забыли ли вы, часом, о платеже? Это уже не говоря о работниках твоей фирмы, которые заматывались с заявлениями в прокуратуру и суд. Что делать? Голову в петлю? Ведь процент с каждым днем возрастает. Отобрали уже и машину, и квартиру, и бизнес рассеялся, а долгов сколько было, столько и осталось. Есть ли другие выходы? Есть.

Егору показалось, что столичный авторитет по прозвищу Таежный больше интересовался его физическими данными, чем вникал в суть проблемы. Спрашивал, где служил, сколько раз на турнике подтягивается, хорошо ли умеет бегать и стрелять. Он долго выслушивал суть проблемы, но решение принял быстро. «Я рассчитаюсь с твоими кредиторами, – сказал он, – и даже, если захочешь, восстановлю твой бизнес. Но долг ты мне отдашь в течение года» – «Как??? Вы не видите, что творится в стране?! Как я смогу отдать вам такие деньги всего за год?» – «Не вопи, – спокойно ответил он. – И поверь, если ты согласишься на мои условия, то отдашь мне эти деньги даже раньше. Со всеми процентами. Выбор за тобой...»

Егор хорошо запомнил разговор с Таежным. Ему объяснили, сколько он должен, назвали сумму. Как и следовало ожидать, нулей в ней оказалось столько, что никаким легальным бизнесом такие деньги за год не отработать. Но Таежный его уверил: захочешь – отработаешь, а если решишь «забить», то он знает, где живет его сестра и в какую школу ходит ее ребенок. И вот уже который день Егор трясется вместе с человеком Таежного в поезде, следующем в Восточную Сибирь, туда, где находится некая загадочная местность под названием Атри.

Попытки расспросить об Атри Кэмела – таким было прозвище его нового напарника – не имели успеха. В поезде тот лишь напивался и спал, а по пьяни нес какую-то дикуню, как казалось Егору, ахиною про аномалии, мутантов и прочую научно-фантастическую белиберду.

Но сегодня с утра он выглядел намного лучше: чисто выбритое лицо, ни намек на похмельную отечность, а ядреный мятный дух зубной пасты перекрывал смрад перегара.

– Ну что? Спускайся завтракать. – Кэмел достал из-под нижней полки пакет с покупным харчем, от которого исходил дразнящий аромат копченостей.

Егор спустился и присел за столик.

– Слушай, так ты мне объяснишь толком, что за дыра эта Атри? – спросил Звягинцев, делая себе нехитрый бутерброд с копченой колбасой.

– Опять объяснять?.. – Сотрапезник будто лимон разжевал.

– Да, но только без мутантов. Что это за территория такая, что о ней не знает никто?

– Это не просто территория, это целый мир. Чем-то похож на наш, а чем-то совсем не похож. На первый взгляд, тайга как тайга, а приглядишься – и без труда находишь десять отличий.

– Ну и кто там живет? – поняв, что разговор наконец пошел по правильному руслу, начал расспрашивать Егор.

– Да разный народ вообще. Если не считать тех, кого начали ввозить туда с конца тридцатых, то кто попало. В городах поближе военные засели, ученые, гражданские из обслуживающего персонала, рабочие с предприятий. Дальше, на вроде бы как необжитых территориях, – кто из зечья беглого, что на рудниках трудились, кто из бывших «вованов». В основном крестьяне там, торгоши, бандюки, мастеровые, ну и такие, как мы, – наемные бродяги.

– Крестьяне? И что они в тайге выращивают? – недоверчиво усмехнулся Егор, знавший, что земледелие в тех краях было занятием крайне рискованным и совершенно неблагодарным.

– Жратву, – скучно ответил Кэмел. – Но не это главное. Атри на то и аномальная территория. Там растут некоторые весьма специфические «плоды». От одних могут волосы снова на голове вырасти, настойка из других восьмидесятилетнего снова мужиком делает, некоторые растения от бесплодия лечат, да еще много чего ценного растет там и только там, так что колхозники не в накладе.

– А торгоши чем барыжат?

– Да чего там только в Атри нет! Кроме цацек торгуют и оружием, и шмотками, и всякой электронной мурой, водовку везут с Большой земли, наркоту одну туда везут, другую оттуда, невольников привозят.

– Что за невольники? – спросил Егор, подумав, что его самого мало что в действительности отличает от невольника.

– Да всякое отребье из алкашни, нарков собирают на фермах батрачить. Еще шлюх завозят. Только не вздумай с ними трахаться! А то ни травка, ни настойка потом не поможет.

– Ну а главный там кто?

– Да нет там главного, – улыбнулся Кэмел, вытерев рот салфеткой. – Отчасти все это «крышуется» военными. Они в белом периметре – на близлежащей к Ущелью территории – порядок держат. Есть еще несколько группировок бродяг, которые считают себя автономными, но в целом они во всем зависят от вояк. Там специфическая территория, понимаешь? Гражданским, за исключением живущих в Ванаваре, нескольких крестьянских поселках, и заключенных, работающих на урановых рудниках, там быть не положено. Ну, на бумаге, – уточнил Кэмел, когда Егор напрягся, впервые подумав, что находится он на пути из огня да в полымя. – На самом деле в Атри уже столько народу, что никто и не сосчитает никогда. Ведь это только в белом периметре несколько группировок, а дальше – в средней полосе – их вообще хрен знает сколько. Там уже два поколения выросло. И каждый клан себе хозяин, каждый живет по своим законам. Кто помельче и победнее, получают дань с колхозников и барыг вроде как за охрану. Те, кто располагает большим количеством «мяса», еще и за цацками посылают, сами приторговывают, вольников влиться в коллектив приглашают, авторитет в общем зарабатывают.

– Так, а военные что, вообще не контролируют эту среднюю полосу?

– Нет, им это не по зубам, да и незачем лишний раз под пули лезть. Выгоднее сотрудничать, чем воевать. Некоторые цацки, которые они там выкупают, рождаются лишь в средней полосе или на диких землях. Так что военные в Атри только двух видов: вэвэшники и ОБВЕ. Первые охраной заключенных занимаются и проход в ущелье, ведущее к Атри, стерегут.

– А ОБВЕ кто такие? Что за аббревиатура?

– Отдельная Бригада Военных Егерей. – Кэмел скорчил недовольную рожу.

– Армейские их двинули? Охраняют что-то?

– Ты пока что знай одно: егеря – парни очень серьезные и проблемы могут устроить соответствующие. Пока ты будешь полностью под их контролем, потому что жить придется в белом периметре. Потом, когда адаптируешься к Атри и нужными знакомствами обзаведешься, сможешь уйти в среднюю полосу на ПМЖ, тогда к тебе и вопросов не будет. Но я вот уже пять лет сюда езжу, а в среднюю полосу хожу лишь за хабаром. Жить там... Брр! – Кэмел встряхнул головой. – Лучше в периметре оставаться, хоть его и называют детским садом. Так что запомни: пока что на егерей не забивать, что скажут, то и делаешь. А захочешь покинуть Атри или съездить отдохнуть – пойдешь по протоколу «А». Мозги до ноля вычистят, мать родную не узнаешь, а то и вообще дебилом сделают. Уж не говоря о том, что без копейки останешься. Так что лучше делать, что они говорят.

– Ну, а хозяева у этой Атри есть?

– Есть. Но настоящие тузы в эту задницу не сунутся. Они в столице сидят, сливки снимают, а остальным достаются только крохи с барского стола. Ну, в общем-то у нас в стране везде сейчас так, в одной Атри что ли? Хотя, знаешь, я не жалуясь. Заработок там весьма не кислый даже на простеньком хабаре. Ты со своим долгом Таежному за вахт шесть-семь разберешься. Это полгода максимум.

– Ничего себе! – обрадовался Звягинцев.

– Ну, ты сильно-то губу не раскатывай, хабар еще донести надо. Вахта в Атри – это тебе не прогулка за шампиньонами. Расслабился на секунду – и все, считай, вступило в силу твое завещание. Ты пойми, Атри – это не просто тайга: там за каждым деревом по вооруженному отморозку, по десятку аномалий на квадратный метр, под каждым кустом тварь, которую ты и вообразить себе не сможешь, а еще сияния, ка-волны и прочая не добавляющая комфорта хрень. Я уж не говорю про радиацию.

Егор молчал, переваривая услышанное, да и Кэмелу надоело рассказывать, а потому какое-то время они сидели в относительной тишине, нарушаемой лишь стуком железных колес да время от времени подаваемыми сигналами с поезда.

– Так, что тут у нас? – нарушил паузу Кэмел, убирая под сиденье то, что осталось от завтрака, и доставая оттуда три полулитровых бутылки пива. – Бушь? – Он весело подмигнул Егору.

– Да чего-то... – начал было мяться тот.

– Ты смотри, с завтрашнего дня сухой закон на полгода. – Можешь так? – С этими словами Кэмэл закусил жестяную крышку пивной бутылки и одним четким движением сдернул ее с горлышка.

– Я еще не так могу, – в тон собутыльнику ответил Егор и продемонстрировал «высший пилотаж», открыв пиво глазом.

– Ну, ты, блин, даешь! Куд-десник! – восторженно воскликнул Кэмел. – Хорошая, кстати, погремуха, – добавил он мгновение спустя.

* * *

Когда статисты из периметра думали, что кланов, группировок, поселений и мелких кочевых групп в Атри существует около двадцати, – это те данные, что собрали для них вольные егеря и бродяги, – их на самом деле было чуть больше пятидесяти. Когда официальная цифра подошла к отметке пятьдесят, никто уже не мог сказать точно, сколько разрозненных, мелких племен людей, полулюдей и мутантов обитает в исследованной части Атри на самом деле. Если с большими кланами все было более-менее ясно, то что до мелких – там была полная неразбериха. Впрочем, многие из военного корпуса предпочитали не знать, что происходит на самом деле, так им было спокойнее.

С вязких болот, где обитали гельминты, Кудесник вышел часам к десяти утра, но до рубежа призрачных топей было еще далеко. К счастью, он набрел на достаточно широкую полосу, напоминавшую дорогу, которая была твердой и сухой. И хотя казалось, что это верный путь прочь из топей, полоса иногда кружилась на месте, а иногда прерывалась густой жижей, и найти, где она продолжалась, было задачей сверхтрудной. Часы шли один за другим, а выход из болот так и не был найден.

Зато бродяга набрел на кое-что другое.

Он пролежал в высокой траве достаточно долго, приглядываясь к небольшому поселку, к людям (он не был уверен, что это люди, но издалека были похожи), снующим между двумя десятками конических юрт, сооруженных из длинных палок, щели между которыми были замазаны чем-то похожим на обычную грязь, и покрытых сверху шкурами животных. В деревушке поднимался, рассеиваясь, дым от нескольких костров, оттуда же шел аппетитный запах жареного мяса. Женщины носили младенцев в корзинах, подвязанных к спине, стаскивали дрова, строгали длинные пали, видимо, их оружие, а кто-то разделявал тушу оленя. Всего, насколько удалось рассмотреть, он насчитал около сорока человек, при условии, что в юртах, вмещающих в себя не больше двух взрослых и двух детей, никого не было.

«Они едят „радиомясо“! – подумал Кудесник, и это был первый аргумент в пользу того, что это все-таки не обычные люди. – И здесь одни женщины!»

Напрягая слух как только мог, Звягинцев прислушивался к их речи, но четко расслышать слова с такого расстояния было невозможно. Женщины между собой переговаривались тихо и вообще вели себя довольно сдержанно. Они были грязны, волосы сбиты и давно не стрижены, одежды у кого какие: были тут и «азаматовские» комбезы, правда, без половины защитных пластин, и «монгольские» серебристые кольчуги, и черные формы «варягов», ну а в основном простые лохмотья, помесь всех форм, которые только носили в Атри.

Наконец одна из тех женщин, что разделявали тушу оленя, направилась с кадушкой к бочагу, в зарослях за которым прятался, разлегшись на сухой земле, Кудесник. Она прошла уже половину расстояния, когда ее кто-то окликнул, и она, обернувшись, выкрикнула: «Да подождите вы, зае***ли уже!»

«Один-один, – подумал Кудесник. – Едят радмясо, пьют болотную воду, но не утратили способности пользоваться обычным русским языком. И что прикажешь думать? – спросил он сам себя. – Можно им доверять?»

На вид ей было лет пятьдесят. Обвисшая кожа на потемневшем, отнюдь не от загара, морщинистом лице, седые, неубранные волосы, развевающиеся на ветру, узкие губы шевеляться, будто она произносит проклятия. К тому же недобрый взгляд из-под косматых бровей не сулил ничего хорошего. Старуха подошла к бочагу, встала на колени, согнала рукой плавающие белые лепестки цветка и зачерпнула кадушкой воду. Бродягу, чья голова торчала из зарослей с другой стороны бочага, она увидела почти сразу же, как только поставила кадушку на землю и наклонилась, чтобы умыться.

– Ты что тут делаешь? – спросила она, стоя на четвереньках и вглядываясь в перепачканное грязью лицо Звягинцева. Странно, но на ее лице не было признаков удивления или испуга. Скорее это было умело скрытое выражение радости.

– Я... это... – не зная, что и придумать, замешкался Кудесник. – Мне бы знать, где я, и каплю масла машинного одолжить...

Чумазы, с неухоженными волосами и сморщенной кожей женщины, среди которых молодые девушки выглядели немногим лучше старух, смотрели на чужака пристально, с явным недоверием. Кудесник почему-то подумал, что с настоящими людьми им придется общаться реже, чем с мутантами или параллельщиками, а потому и смотрят они на него как на инопланетянина, забыв о своей человеческой сущности. Дети, которых тут было гораздо

меньше, чем в Коломино, носились друг за другом босыми по росе, но как только пришелец попадал в их поле зрения, тут же затихали и с любопытством к нему присматривались. Играя, они выкрикивали слова, смысла которых Кудесник не понимал. Возможно, это был всего лишь «детский язык», который понятен лишь их родителям (например, в глубоком детстве никто не понимал, что под термином «фумка» Егор подразумевал магнитофон), но что-то в их произношении бродягу настораживало.

Впрочем, думать ему нужно было сейчас не об этом. Присесть у костра, поболтать о том о сем, поведать о судьбинушке своей нелегкой ему не предлагали, вопросов, – что было странно, – не задавали, хотя у чужаков всегда спрашивают, откуда они и прочее, даже продать ничего не пытались. Это уже не говоря о том, чтобы пригласить его на обед. Причины отсутствия к нему интереса у местного люда было несколько, но ни об одной из них Кудесник сейчас не хотел думать. А еще больше верить, что он снова влип.

Посередине лагеря, юрты которого были действительно сделаны из жердин, а щели замазаны болотом, к настоящему времени окаменелым, стоял погружившийся в болото по колеса транспортный Камаз. Он был насквозь проржавелым, но его кунг болотные поселенцы использовали в качестве кладовой – там висели подвешенные на крюки туши животных, вокруг которых черными облаками роились мухи.

«Вахтёрка, – понял Егор, осматривая машину. – Значит, эти люди когда-то ехали куда-то на смену. Да так и не доехали».

– Здесь сухой пласт земли. Здесь когда-то кругом было сухо, – объяснила ему женщина, заметив, куда он смотрит. – Дорога была от Наксана до Нижней Тунгуски, а потом пошли дожди. В восемьдесят девятом тут почти целый год шли дожди, так и болото разрослось. До того оно было в десять раз меньше. Ну да ты, наверно, все это сам знаешь. Тебе сюда. – Она подошла к самой большой юрте, обложенной сверху волчьими шкурами, и отодвинула занавеску. – Кстати, хорошая форма, – как бы между прочим сказала она, притворно улыбувшись.

Бродяга почувствовал себя героем одного из своих любимых писателей детства Жюль Верна, ощутил себя бледнолицым, попавшим в плен к индейцам, которого привели к вождю для определения дальнейшей его судьбы. Но, в отличие от историй об индейцах, внутри юрты не было подобравшего под себя ноги вождя с трубкой мира в зубах и короной из белых перьев на голове. Там, за потрескивающей буржуйкой, на которой стоял закопченный чайник, в убого обставленной юрте лежал на сбитом из дерева топчане накрытый шкурами человек. Он был чрезвычайно худ, стар, темное лицо испещрено тысячами морщин, бесцветные глаза блестели, как две лужицы, а тонкие поджатые губы ничем не отличались по цвету от лица. У старика не было ни волос, ни бороды, и в его взгляде не было ни удивления, ни презрения. Он тяжело и громко дышал, изучая странника, неведомо каким путем забредшего в их земли, а затем указал ему на подобие грубо сколоченного из поленьев табурета, стоящего у него в ногах.

– Откуда ты? – хрипя, спросил он.

– Мы потерпели крушение примерно в шести-семи километрах на юг, – ответил Кудесник. – Вертолет упал на болота.

– Я слышал ночью шум вертолета. – Косматые брови старика всползли вверх. – Он сам упал?

– Помогли... – поняв, куда тот клонит, уточнил Егор.

Старик поднял руку ко рту, прокашлялся.

– Зачем ты пришел?

– Я хотел выбраться из болот, – повел плечами бродяга. – Не знал, что вы тут есть. А когда увидел ваших... людей, решил, что неплохо было бы узнать, куда идти, чтоб выбраться к ущелью... Ну и смазка, думал, может, есть какая, чтоб автомат прочистить...

– Тебя куда-то везли, верно? – спросил старик, ткнув пальцем в воздух. – Куда?

– Не знаю. Говорили, в Ванавару...

– Кто тебе это сказал? Кто-то выжил еще?

– Да, там неподалеку от места крушения остался пилот, у него сломаны обе ноги. Если можете...

– В тебе что-то есть, – протянув к нему тощую, обтянутую дряблой кожей руку, сказал старик, скривив лицо в загадочной и жуткой улыбке. – Потому тебя и везли в Ванавару. Что-то идет за тобой, и ты это чувствуешь. Оно интересует мно-огих. Ты интересуешь, Кудесник. Ты знаешь, о чем я говорю, не так ли?

Егор распрямился на табурете, боясь, что старик прикоснется к нему рукой с почерневшими ногтями, и весь напрягся. От услышанного на лбу у него вмиг выступила испарина, в висках появился неприятный стук, а руки задрожали, словно у запойного алкоголика.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? О чем вы вообще говорите? С вами все в порядке? – взволнованно пролепетал он.

– За меня не волнуйся, бродяга. Лучше задумайся, что происходит с тобой. Ты ведь чувствуешь его близость, Кудесник? – приподнявшись с топчана, потянулся к нему двумя руками старик. – Скажи мне, да или нет?! Ты чувствуешь, как он идет?! Кто это, Кудесник?! Кто он?..

Егор не выдержал. Вскочил, опрокинув табурет, красный, возбужденный, трясущийся как в лихорадке.

– Кто ты?! – выкрикнул старик, но Егор этого уже не слышал.

Дернув на себя ветхий, молью траченный занавес, он вылетел из юрты, слыша в ушах невесть откуда взявшийся безумный свист, от которого, казалось, сейчас лопнут перепонки. Впрочем, свист прекратился так же внезапно, как и появился. Как только его отпустило, он решил убираться прочь из этого поселения, но, подняв глаза, понял, что теперь сделать это будет не так просто. Его ждала ватага из двадцати – тридцати мужиков, выстроившихся полукольцом и перекрывая ему проход. Из оружия у них были колья, дубинки, топоры, у кого-то поблескивали охотничьи ножи. Болотники имели вид хищников, готовых броситься на добычу: крайнее возбуждение, охотничий азарт на перемазанных грязью лицах, жажда крови в глазах.

– Послушай, – выступив вперед, сказал, видимо, главарь этой банды. – Обычно мы не возимся со всякими там «азаматовцами», «братьями чертей», «таежными тенями» и прочими недоносками. Ты вроде как не из них, а потому я предоставлю тебе право выбирать. Для начала у тебя есть все шансы стать нашей едой. – Он выдержал паузу, будто ожидал, что у бродяги сейчас от удивления глаза на лоб полезут, но тот смотрел на него так, будто они говорили о способах приготовления кроншнепа. – Мы тут, – он кивнул на толпу, – как понимаешь, не сильно прихотливые. Едим что придется, хотя, честно признаться, человек не самое вкусное блюдо. Как в жизни, говорится, так и на тарелке. Ты можешь избежать этой участи. Но уйдешь только в том случае, если отдашь нам свою одежду, вещи и оружие.

– Вы предлагаете мне идти по тайге голым? – чтобы убедиться, что ему не почудилось, переспросил Кудесник.

И тут же из толпы ему бросили под ноги грязное серо-коричневое тряпье, напоминающее порванную собаками армейскую «белугу», и все в заплатках галифе.

– Мы не знаем, что тебе сказал наш старший смены, но выбор у тебя невелик, – облизнул пересохшие губы бородатый. – Либо-либо, но если ты будешь долго думать, мы примем решение за тебя. Из той одежды, что ты носишь один, нам хватит залатать дыры всем, еще и останется. С поставками тканей и ниток у нас, видишь ли, последним часом перебои. – Все бородачи дружно захохотали. – То же самое и с оружием. Господи, бродяга, да о чем ты еще думаешь? Ты можешь в любом поселке купить ящик «калашей», и не говори мне, что это не

так. Для нас же тридцать патронов – это тридцать убитых крупных животных. Это значит, месяц наши дети не будут голодать. Два рожка – два месяца. А для тебя это боеприпасы на один день. Ну?..

«Почему тебя в последнее время никогда нет, когда ты так нужен? – вдруг подумал Кудесник, отвлеченно уставившись на шумящие вдалеке сосны. – Неужели ты затаил на меня такую обиду, что готов смириться с моей смертью? Неужели тебе все равно, где я и что со мной? Не верю. Слишком через многое мы с тобой прошли, слишком много истоптали коварных атрийских земель, слишком много должны друг другу за неоднократно спасенные жизни, чтобы ты вот так мог вычеркнуть меня из памяти! Неужели каждый раз, когда ты снимаешь оружие с предохранителя, у тебя не срабатывает рефлекс, что кто-то стоит с тобой спина к спине? Я вот не могу отвыкнуть. Да, твой подарок на четвертак не дает мне забыть тебя... (я его потерял, но обязательно верну, не впервой...) но и без него я о тебе помню. Мне жаль, что так получилось, ты ведь знаешь. Если я виноват, извини меня. Ты – мой самый надежный друг, и тебя никогда не заменит мне никто. Даже жена, если она когда-нибудь появится. Мне не хватает твоего чувства юмора в подобных ситуациях. Что бы ты ответил этим болотным каннибалам?»

– С чисто человеческой позиции я вас прекрасно понимаю, – вытащив из нагрудного кармана пачку промокших сигарет и коробок спичек, неспешно сказал бродяга. – К вам, наверное, редко заглядывают гости, ведь торговать с ними, как я вижу, у вас нечем. Поэтому случайных путников лучше съесть, а их снарягу разделить – своего рода *правильное* безотходное потребление. У вас, кстати, есть чему поучиться некоторым с жиру бесящимся кланам, которые закапывают врагов, даже не проверив их карманы и не выпотрошив подсумки для боеприпасов. Их бы сюда на годик-второй, да? Сразу бы узнали цену рожка. Разумеется, – Кудесник вставил в зубы сигарету, чиркнул спичкой и сощурился, когда дым полез ему в глаза, – мне несложно достать автомат, как, впрочем, и гаубицу, и редкостные патроны натовского калибра, а потому совсем не жаль подарить вам этот несчастный «калаш» и несколько рожков к нему. Но, с другой стороны, путь у меня неблизкий, а вы хотите оставить меня ни с чем. К тому же в одежде, которая вряд ли защитит меня не то что от залипалы, но даже и от комаров. А это, друзья мои, весьма и весьма несправедливо. Если уж Бог заповедал нам делиться с неимущим, то я согласен отдать вам свой свитер – он длинный, – сразу же поспешил уточнить Кудесник, когда окружающая его толпа ехидно оскалилась. – И три рожка патронов. Себе оставлю два. И не говорите мне, что у вас нет оружия. Форма-то, вон, небось, не сама к вам пришла, – кивнул он ближайшему бородачу в «азаматовском» пилотовике. – Думаю, так будет по-честному, как считаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.